

П. О. Морозов

ГРАФ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХВОСТОВ.
1757—1835 гг.

Очерки из истории русской литературы
первой четверти XIX века

Москва 2020

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Печатается по:

Морозов, П. О. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835 гг. Очерки из истории русской литературы первой четверти XIX века / П. О. Морозов // *Русская старина*. — 1892. — Т. 74, июнь; т. 75, июль; т. 75, август. — С. 569—589; 71—104; 396—430.

Морозов П. О.

М 80 Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835 гг. Очерки из истории русской литературы первой четверти XIX века/ П. О. Морозов. — М.: MelanarĖ, 2020. — 62 с.

Рассказ о жизни и литературной деятельности Хвостова показывает противоречивую картину русской литературы начала XIX века. Новые романтики осыпают прежних поэтов классицизма хамскими насмешками и глупыми оскорблениями, а классицизм отвечает то воспитанным сожалением, то подлыми доносами. Дмитрий Иванович Хвостов выступает как добрый, терпеливый и глубоко порядочный поэт, который оценивал стихи по моральным качествам.

ББК 83.3(2)52-8

Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835 гг.

Имя графа Дмитрия Ивановича *Хвостова* в начале текущего столетия имело совершенно такое же значение, как имя *Тредьяковского* в эпоху Екатерины II: оно обратилось в нарицательное для обозначения всякого бездарного стихотворца. В продолжение почти всей своей пятидесятилетней литературной деятельности граф Хвостов постоянно служил мишенью для самых злых, печатных и непечатных шуток и эпиграмм; старое и молодое поколение литераторов изощряло своё остроумие над его произведениями и необузданную страсть к стихотворству: он обратился в какую-то «притчу во языцах», так что вся разница между ним и *Тредьяковским*, как стихотворцем, заключалась только в общественном положении. Как при дворе Екатерины II заучивание наизусть стихов из «Телемахида» служило мерою наказания, так, по свидетельству всех современников Хвостова, истинным наказанием для них было выслушивать его стихи, которые он постоянно носил с собою и читал всем и каждому при всяком удобном случае, в публичных заседаниях разных учёных обществ и на литературных вечерах, дома и в гостях, в Летнем саду и в карете... Высокое общественное положение и литературные знакомства (а он был знаком со всеми литераторами своего времени) доставили ему возможность вращаться в наиболее интеллигентном обществе и постоянно следить за всеми литературными новостями, которые он усердно собирал, придавая каждому литературному факту весьма оригинальную оценку. Вот почему рассказ об его литературной и общественной деятельности может послужить канвою для очерка истории русской литературы того времени, не столько с внешней, сколько с внутренней и, так сказать, закулисной её стороны для характеристики литературных нравов и отношений. Вокруг него группируются отживающие свой век представители старого литературного и общественного направления, откровенно высказывающие перед ним свои сетования на разрушительное влияние новизны и подвергающиеся, наравне с ним, насмешкам молодой парии, собравшейся под знамя *Пушкина* и его друзей и считавшей серьёзную полемику с остатками старины излишнею и неуместною. Период русской литературы, к которому относится деятельность графа Хвостова, — период в высшей степени живой и интересный, — уже достаточно изучен в лице своих главных представителей: *Жуковского*, *Батюшкова*, *Пушкина*, *Рылеева* и других; но деятельность второстепенных писателей этого периода известна ещё далеко не вполне; а между тем знакомство с нею необходимо для более точного и всестороннего понимания хода литературного развития в эту знаменательную эпоху русской жизни.

П. М.

I.

с. 571

В 1805 г. епископ старорусский *Евгений (Болховитинов)*, с 1822 г. митрополит киевский), с которым граф Хвостов был в дружбе и вёл переписку до самой своей смерти,¹ просил его прислать «пообстоятельнее биографическую и литературную статью о себе». Просьба эта была исполнена в следующем году; но затем Хвостов, вероятно, взял свою биографию назад для поправок и дополнений. Находя неудобным писать прямо от своего лица, он поручил это дело секретарю своему *Борисову*, для которого собственноручно написал подробную автобиографическую записку. Наконец, в 1822 году он послал митрополиту Евгению обширную статью под заглавием: «Биография действительного тайного советника, сенатора и кавалера графа *Д. И. Хвостова*, сочинённая *неизвестно кем* в 1821 г.», при письме, в котором, между прочим, просит Евгения, «взяв с биографии список, доставить в Киевскую Духовную Академию на сохранение». Твёрдо уверенный в ожидающем его бессмертии, граф посылает список с этой же биографии, «в знак своей откровенности», дерптскому профессору *В. М. Перевозчикову*; не довольствуясь этим, он приказывает перевести её на французский язык и отправляет, через русского посланника барона *Будберга*, в гамбургское учёное общество. Но, несмотря на эти заботы о сохранении своей славы, ему не удалось видеть в печати ни строки из этой биографии; митрополит *Евгений* не сказал о нём ни слова в своём «Словаре»; труды *Перевозчикова* по истории русской словесности остались неоконченными. Эта-то биография или, вернее, автобиография, вместе с запискою, приготовленною Хвостовым для своего секретаря, и послужит нам для очерка жизни и деятельности её автора, тем более, что она сообщает несколько интересных данных для истории литературы.

Биография начинается следующим вступлением, которое, по словам самого Хвостова (в письме к Евгению), «кажется, не нужно, ибо оно и льстиво, и неопределённо (vague)»:

«Благосклонный читатель! Ты зришь пред очами своими жизнеописание знаменитого в своём отечестве мужа. Дела его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что поместить оные в себе может одна только соразмерная оным память, и то токмо при систематическом и притом раздельном повествовании оных. Почему мы при настоящем издании (!) его жизнеописания заблагорассудили дела его и заслуги отечеству разделить на две части или статьи: предметом первой будут душевные его таланты и степень образованности по отношению к наукам и просвещению; предметом же второй положим краткое описание гражданского его достоинства и знаменитости, которые он своими доблестями приобрёл в славном Российском государстве».

с. 572

«Граф Дмитрий Иванович *Хвостов* (продолжает биография) родился в Санкт-Петербурге 1757 года июля 19 дня. Благочестивые и благоразумные родители его, лейб-гвардии подпоручик Иван Михайлович и Вера Григорьевна, урождённая *Карина*,² приложили всевозможное попечение о воспитании двух сыновей: Алексея, который на 16 году от рождения своего скончался в 1772 г., и Дмитрия — автора нашего. Старший брат его известен в молодости своей печатным переводом комедии „Любовные оборотни“ (L'amour-diable) из театра Лёграна, которая в каталоге Плавильщикова ошибкою приписана Александру Семёновичу Хвостову».

¹Переписка эта напечатана с объяснительными примечаниями академика Я. К. Грота в Сборнике статей II отделения Академии Наук, том V, выпуск 1-й (СПб. 1868 г.), стр. 97—216.

²Карины, Фёдор и Александр — оба известные в своё время писатели. Первый († 1800) написал: «Нравоучительные правила, выбранные из свойств покойной графини М. В. Салтыковой» (М. 1770); два торжественных слова: 1) На заключение мира с Портою (1775) и 2) На открытие владимирского наместничества (1778); «Письмо к Николеву о смерти Суворова, заключающее в себе рассуждение о словесности вообще и о русском языке в особенности» (1800); перевёл «Рассуждение о награждениях и наказаниях», Беккария и прочее. Об Александре смотри ниже.

«Младенчество моё, — говорит сам Д. И. в своей автобиографической записке, — не было ознаменовано, как Горациево, пиитическими провещаниями, а, напротив, при глубокой молчаливости, непокорливости и неповоротливости, показывало ребёнка весьма незатейливого; а когда я стал достигать отроческих лет, то холодный нрав, любовь к уединению, застенчивость, медлительный успех в учении заставляли многих обо мне то же заключать, что и заключали о Буало родственники его... Я обучался в пансионе славного профессора господина Литке, потом в своём доме у офицера французской службы господина Депрадта. Сверх того, брал уроки в Московском университете. Дядя мой родной по матери, Александр Григорьевич *Карин*, скончался в молодых летах, и при смерти подарил мне богатую библиотеку свою на французском и итальянском языке (до 3000 томов).¹ Телесные способности вовсе природою мне отказаны были: танцовщик я был самый плохой; также лет пять был в манеже, но с таким малым успехом, что редко садился на коня, кроме Пегаса... В 1772 году записан я был в лейб-гвардии Преображенский полк и в 1779 отставлен гвардии подпоручиком, а в 1782 перешёл столоначальником в новоучреждённую тогда знаменитым князем Александром Алексеевичем Вяземским государственную экспедицию, где получил чин надворного советника; потом был экзекутором во 2-м департаменте сената. В сие время, пользуясь милостию и благодеяниями князя А. А. Вяземского, перевёл для сего вельможи, по незнанию его иностранных языков, «Трактат о финансах» *Неккера*, в 4 томах; а «Орлеанскую девственницу» *Вольтера* переводил ему известный Александр Семёнович *Хвостов* (двоюродный брат Дмитрия Ивановича Хвостова)».

с. 573

«В 1789 г. я, находясь в отставке, женился на любезной мне Темире, княжне Аграфене Ивановне *Горчаковой*, родной племяннице бессмертного Суворова.² Сему великому мужу обязан я счастьем моим. Могу хвалиться не только чинами и отличиями, кои приобрёл, может быть, не столько по заслугам моим, сколько по его благоволению: он принял меня в особливую милость свою и удостоил неограниченную доверенностию; нет тайны, которой бы он мне не вверял. Когда он командовал армиями, все отношения к императрице Екатерине II и Павлу I во время Италианской кампании шли чрез мои руки. Наконец, мне же определено было иметь печальное преимущество принять последнее издыхание непобедимого героя. Он ко мне писал иногда стихами, и сам предложил мне вступить снова в службу. Меня переименовали подполковником в 1788 г., и я всё время находился по его поручениям в Петербурге». «Однажды сей полководец (говорит „Биография“), случаясь из Финляндии в Петербург и недоволен будучи наградами за Измаил, крепко порицал оду на сей случай *Державина*, говоря, что в ней только одни уподобления, и советовал нашему автору написать на неё критику. Похвала есть единственная награда поэта и героя; а как в сей оде ни слова не сказано о Суворове, а всё упоминается о князе *Потёмкине*, который за 200 вёрст был от приступа, то герой, почитающий сие дело (взятие Измаила) знаменитейшим из своих походов, не мог простить стихотворцу за молчание о нём. Автор наш критики не писал, быть может оттого, что не умел, но сделал лучше: он свёл Державина с Суворовым, и следственно подарил публику прекрасными стихами „На взятие Варшавы“ и „На переход чрез Альпийские горы“».

По ходатайству Суворова, в 1795 году Екатерина пожаловала Хвостова в камер-юнкеры; когда же кто-то ей заметил, что Хвостову, по его наружности, не следовало бы носить этого звания, то она отвечала: «Если б Суворов попросил, то я сделала бы его и камер-фрейлиною». Интереснее всего то, что наивный пиит сам занёс этот анекдот в одну из своих записных тетрадей, с замечанием: «Так Великая умела чтить волю Великого!»

В «Биографии» есть интересные подробности о Суворове, которые можно привести здесь тем более, что они находятся в связи с деятельностью самого Хвостова. Вот что здесь, между прочим, рассказывается:

с. 574

«Императрица Екатерина II, обеспечив Грузию, торжествующая успехами войск своих на востоке, захотела принять деятельное участие в испровержении своеволия во Фран-

¹ А. Г. Карин, упомянутый в «Словаре» Новикова, поручик лейб-гвардии конного полка, умер от водяной болезни около 1765 и не позже 1766 года. Он писал много стихов, помещённых в разных журналах («Полезное увеселение» 1760—62, «Свободные часы» 1763, и другие). Когда, вскоре по восшествии на престол Екатерины II, устроен был эрмитажный театр, где она сама исполняла роль Семиры в трагедии Сумарокова, то оркестр составлен был из молодых людей, между которыми был и Карин.

² Сестра бывшего впоследствии военным министром князя Андрея Ивановича Горчакова. Д. И. всегда называл жену свою «Темирою».

ции. К начальству над российскими войсками назначен был *Суворов*. Всё сие шло чрез посредство графа Хвостова; в самый день кончины императрицы (6-го ноября 1796) ожидал народ о сём манифеста и должен был быть отправлен курьер к Суворову с повелением двинуться за границу... Во всё время царствования Павла I граф Хвостов пользовался особливою милостию, доверенностию и уважением его, имел счастье принимать его изустные приказания для сообщения Суворову... Невзирая на все старания, граф Хвостов не мог переупрямить старого полководца, который, несмотря на приглашение, не поехал на коронацию и уклонялся устроить по-новому вверенные ему войска. Кончилось тем, что в 1797 г. был послан к Суворову в Тульчин генерал-адъютант Абрам Андреевич *Баратынский* (отец известного поэта), который также не уломал завоевателя Царства Польского. Суворов был отставлен, и при возврате его в родовую новгородскую деревню Кокшанское имел у себя собеседником по тайной канцелярии г. *Николева* (Юрия Алексеевича; слепец-поэт Николев за сей поступок расстался с этим своим двоюродным братом)... Император был крайне гневен на Суворова. Граф Хвостов имел необходимую нужду к нему писать по делам его деревень, и из осторожности, по совету генерал-прокурора князя *Куракина*, открытое письмо вручил *Н. П. Архарову*, имевшему, как генерал-губернатор, чрез посредство Николева, им избранного, все способы для доставления фельдмаршалу. Племянник нашего Велисария удивлён был, услышав официально от князя Куракина, что государь, по доверенности к нему, не только соизволяет иметь переписку, но даже позволяет самому ехать и обо всём переговорить с фельдмаршалом. В 1798 г., в начале, после многих сношений с придворными и ближними государю, граф Хвостов получил от Суворова письма к императору, императрице, благодетельной Екатерине Ивановне *Нелидовой*. Сии письма имели желаемый успех: в Кокшанское был послан флигель-адъютант государев — родной племянник Суворова, князь *Горчаков*, — с приглашением уединённого старца в столицу. Он приехал, был милостиво принят и ласково, но, пробыв несколько времени в доме графа *Н. А. Зубова* — зятя своего, при ежедневном свидании с графом Хвостовым, не пожелав командовать батальоном и попевая иногда петухом, отправился снова в свою деревню, уже без собеседника, как отставной, на свободу. В конце сего года горизонт полководца опять затмился: явился у него вторично *Николев*, оба князя Горчаковы были отставлены, а графу Хвостову не дан был орден святой Анны 2-й степени... Вскоре после того император изволил принимать на себя титул Великого Магистра Мальтийского. Граф Хвостов на сие сочинил оду и, не имея доступа во внутренние покои, решился положить оную в ящик. Государь столь чувствительно был тронут таким усердием, что сказал статс-секретарю *Брискорну*: „Я виноват — его вымарал“, — и приказал объявить генерал-прокурору, чтобы он снова доложил. Чрез два дня граф Хвостов позван был во дворец, и при возложении ордена государь соизволил сказать при всех: „Я виноват перед тобой, только в последний раз“. И подлинно сие так случилось, ибо после того сочинитель наш пользовался особливою милостию и доверенностию государя. В самом начале 1799 года Суворов был приглашён ко двору, отправлен в Италию... 10-го июня того же года велено графу Хвостову быть обер-прокурором святейшего синода. Государь призвал его в кабинет, сам пожаловал ему бумагу, перья, чернильницу и повелел писать к Суворову, что он хочет, с прибавлением от него, что Суворов будет князь по взятии Мантуи — ключа Италии. Государь оставил одного графа Хвостова в кабинете и не соизволил даже читать письма. Мантуя взята — Суворов князь! После того — ему же статуя, которая и теперь украшает Суворовскую площадь, почести императорские, многолетия в церквах и прочее. Граф Хвостов при всех таких случаях приглашаем был в кабинет его величества, имел счастье подавать своё мнение о рисунках статуи, удачно изображённой тогдашним президентом академии художеств, графом *Шуазель-Гуфье*».¹

с. 575

В 1799 г. *Суворов*, получив Сардинское княжество, выпросил у короля титул графа для Хвостова. Вообще, Хвостов очень гордился своим родством с Суворовым, тщательно сохранял оставшиеся после него вещи и бумаги и сообщал много материалов биографам полководца, например *Е. Б. Фуксу*, *А. Ф. Рихтеру* и другим. В одном из своих стихотворений он говорит:

с. 576

Гордись, о муза восхищенна,
Своим бессмертным торжеством!
Герой, которого вселенна

¹Памятник Суворову, исполненный скульптором Козловским, открыт в мае 1801 года.

Считает в бранях божеством,
Кто образец мужей великих, —
Суворов, среди побед толиких,
Как друг, твой лирный глас внимал.

Это родство с Суворовым подало повод к злой шутке над поэтом: известный сатирик *М. В. Милонов*, проходя однажды по толкучему рынку, увидел перед одною лавкою портрет графа Хвостова, и тотчас же надписал на нём двестише:

Прохожий! не дивись, на эту рожу глядя,
Но плачь, и горько плачь: ему Суворов — дядя!

В январе 1803 г. граф Хвостов был уволен от должности синодального обер-прокурора, а в конце 1807 сделан сенатором; с 1819 г. он был членом государственного совета, а за четыре года до смерти пожалован в действительные тайные советники. Умер в 1835 году, 78 лет от роду.

II.

Такова внешняя жизнь этого злополучного писателя, которому за свою страсть к стихотворству пришлось испытать на своём веку много неприятностей и подвергнуться бесчисленному множеству самых беззастенчивых насмешек. Твёрдо веря в силу своего таланта, он приписывает все литературные нападки на его «творения» одной причине: слепой злобе и зависти своих собралы по литературе; в каждой его строчки видно чрезвычайно высокое мнение о себе, как о писателе; несмотря на то, что в литературе ему выпала на долю такая же роль, какую в старые годы играл Тредьяковский, он с настойчивостью и неутомимостью целые 50 лет трудится на этом поприще, постоянно издаёт новые собрания своих, никем не читаемых, стихов, скупает прежние издания, чтобы показать, что они расходятся в публике, тратит значительные суммы денег на печатание их вновь, рассылает их всюду, куда только возможно, и счастлив, если ему удаётся найти хоть одного читателя. Хорошо зная эту слабую струнку добродушного пиита, мелкие литераторы и псевдо-литераторы скоро научились эксплуатировать его общественное положение и связи для своих личных видов, стоило только слегка польстить авторскому самолюбию сиятельного стихотворца — и он готов был на всякие услуги. Вот что говорится об этом в его биографии:

с. 577

«Он был добрый человек. Сего титула не лишат его ни зоицы по литературе, ни завистники его, если он только сих последних имел. До самого окончания жизни он видел у себя множество просителей, ищущих его совета, покровительства, ходатайства и помощи. Никто не скажет, чтобы он кому отказывал в законных просьбах или не помогал по возможности деньгами... к нему относились как в контору, прося его из отдалённых мест вынести справку по тяжбе или достать патент на заслуженный чин. Все таковые просьбы не оставались без исполнения и никогда без ответа... Ходатайство его у вельмож об определении к месту, дружба, советы, дом его и пособия были открыты питомцам университетов и семинарий. Многие казённые училища засвидетельствуют о воспитанниках, на его иждивении образование получивших», и прочее.

Большая часть писем, сохранённых графом Хвостовым, писаны как будто по одному рецепту: сначала — благодарность за присылку «драгоценных» творений его сиятельства и за высокое наслаждение, доставляемое ими читателю; затем в самом конце, иногда в виде приписки, покорнейшая просьба о представлении к чину, о раздаче билетов на издаваемый просителем журнал, о поднесении его стихов или изданий особам императорской фамилии, иногда даже просто о денежном пособии и тому подобное. В числе таких панегиристов-просителей первое место занимает князь *П. И. Шаликов*, издатель «Дамского журнала» (р. 1768, † 1852 г.), называющий графа Хвостова своим единственным меценатом и гениальным писателем. Он чуть не с каждой почтою пишет графу Хвостову, превознося до небес его стихотворение, и при этом всегда прибавляет какую-нибудь просьбу или, по крайней мере, намёк на свои стеснённые обстоятельства. «Ах, — говорит он, — писать и не иметь мецената — это гораздо хуже того, чтобы быть подёнщиком, имеющим верный насущный хлеб за труды свои; писатель без мецената умрёт с голоду». Приводим одно письмо его, в виде образчика, по которому можно составить себе понятие о содержании сотни остальных:

«В произведениях всегда юного пера вашего соединены *полезное с приятным*, по древнему правилу ныне презираемых классиков — кем же презираемых? презреннейшими тварями в нравственном мире!

с. 578

П. Н. Арапов с восторгом рассказывал мне об удовольствиях, находимых большею частию петербургского общества в доме вашем, а особливо литераторами: да здравствует меценат! да здравствует на многие, многие лета! Москва не похвалится подобным меценатом! здешние литераторы не видятся между собою!..

Но как ваше сиятельство в особенности *мой меценат*, то я беру смелость опять утруждать вас... стыжусь сказать чем... ассесорством!.. Вы улыбнётесь, почтеннейший благодетель! Но кто же лучше вас знает и *службу*? Итак, министр отказывает мне в ассесорстве за неимением аттестата, в таком случае я обратился к тому, кто первый возымел мысль о препятствии получать чины, не получивши познаний — к М. М. Сперанскому,¹ прося его помочь мне выйти из круга невежд. Ежели ваше сиятельство хорошо знакомо с ним, то сделайте милость, поговорите ему об этом: может статься, он найдёт средство не допустить меня умереть титулярным советником! Хочу умереть вашим благодарным за бесчисленные одолжения клиентом, и потому прошу только о продолжении оных столь же постоянно, как продолжаются они 30 лет!»

Из других хвалителей наивного мецената обращает на себя внимание адъютант казанского университета *Ф. Рындовский*:² письма его отличаются самую беззастенчивую лестью, доходящую до гнусности, до цинизма, как можно видеть, например, из следующего отрывка:

«Для чего благодетельная природа, обогатив человека чувствованиями, которые одушевляют и облагораживают существо его, не дала ему вместе с тем способностей, могущих в полной мере изображать чувствования сии? Тогда бы и я мог выразить пред вашим сиятельством полноту живейшей благодарности моей, которою, так сказать, объята душа моя... Вы снова удостоили меня драгоценнейшим подарком: тремя первыми частями превосходных произведений пера вашего и вашим портретом, пред которым я каждодневно благоговеею, как пред гением-поэтом нашего времени... Гений вашего сиятельства стоит наряду с неподражаемыми творцами».

Иногда панегиристы рифмача-сенатора посылали ему даже стихотворные просьбы. Вот одна такая просьба, принадлежащая перу известного в своё время драматического писателя, Степана Ивановича *Висковатова*, автора тяжёлых псевдо-классических трагедий (р. 1786, † 1831 г.):

«Его сиятельству!
Графу Дмитрию Ивановичу Хвостову!

Любитель и любимец муз!
Ум тонкой, нежный вкус
Ты с добродетельной душой соединяешь;
Ты злополучным всем от сердца сострадаешь
И ныне я предстал к тебе с моей мольбой:
Дай беспокровному покров надёжный свой!
Доставь прибежище страдальцу скорбну, сиру!
А я зато, прияв мою усердну лиру,
Превознесу тебя, любимца муз, певца,
Достойного во век нетленного венца.

Степан Висковатов».

Профессора казанского университета *П. С. Кондырев* и *Г. Н. Городчанинов* также часто обращались к «меценату» с разного рода нелитературными просьбами. Первый хлопочет о чине надворного советника, представление о котором долго залежалось в сенате, и для более успешного хода своей просьбы считает нужным прибавить, что он украсил трудами сиятельного покровителя учёных библиотеки уездных училищ Казанской губернии: «онье (труды) послужат для учителей весьма полезным наставлением в словесности и нравовании, возбуждением к раскрытию дарований и хорошим примером; да и для учеников будут очень полезны. Одно из приятнейших моих занятий есть читать ваши сочинения, почерпать из оных поучения, и чрез то наслаждаться благороднейшим увеселением и удивляться превосходному дару».

¹В 1809 г., по мысли Сперанского, состоялся указ об экзаменах на гражданские чины (коллежского ассесора и статского советника) для лиц, не получивших университетского образования. Экзамен производился из законовения, наук словесных, исторических и физико-математических; требовалось знание русской грамматики и умение правильно сочинять деловые бумаги. Этот указ, возбудивший множество нареканий на Сперанского, можно найти в «Сборнике постановлений по Министерству Народного Просвещения», том I (СПб. 1864), стр. 510—517.

²Автор нелепой книжки «Печальные, весёлые и унылые тоны моего сердца» (1809), которую можно смело рекомендовать охотникам посмеяться.

Городчанинов, известный по своим дружеским отношениям к митрополиту *Евгению*, также занимает не последнее место в числе хвалителей графа Хвостова. Он писал и печатал разборы творений своего патрона, удивляясь их беспримерным красотам, возражал на критики и неприятные для графа Хвостова отзывы в журналах; наконец, составил даже объяснительные примечания к 3-му изданию хвостовского перевода «Науки Стихотворной»

с. 580 *Буало*, которые и были напечатаны вместе с этим переводом в 1818 г. Взамен всего этого граф Хвостов хлопотал у министра народного просвещения о назначении *Городчанинову* наград, о переводе его из казанского университета в другой, лучший (это ходатайство осталось, однако, без последствий), об орденах и тому подобном.

Не станем перечислять остальных корреспондентов графа Хвостова, восхищавшихся знаменитыми произведениями его музыки; приведённые нами выписки достаточно показывают, какую цель имели все эти восторженные похвалы. Но считаем не лишним указать ещё на одно весьма оригинальное прошение, присланное графу Хвостову в 1825 г. из Красноярска от помощника комиссионера по развозу соли в Енисейской губернии, *И. М. Петрова*. Приводим из него главные места:

«Назад тому года два, случайно прочитав некоторые из образцовых творений русских писателей, я живо почувствовал необходимость сего, так сказать, душевного наслаждения — и с сей поры охота к чтению возбудила во мне страсть к поэзии до того, что я, не могши преодолеть внутреннего влечения к оной, посвятил ей всё остающееся от занятий по службе досужное время. В сентябрьской и октябрьской книжках „*Новостей Литературы*“ на 1824 г. напечатаны первые мои опыты, как то: *Знакомый гений, К красавице, Бард, Младенец и Бабочка, К фантазии, К листочку*... Но чтоб иметь совершенный успех и быть полезным гражданином общества, должно быть в столице — иначе сего достигнуть невозможно. Недостаточное же моё состояние и семейство, в пяти человеках заключающееся, почти вовсе сего не позволяют. Три тысячи рублей — и я почту себя наисчастливейшим из смертных!.. Если желание моё не безрассудно, не оставьте сей моей покорнейшей просьбы своею снисходительною милостию и не лишите поэта-сибиряка завидной чести иметь в особе вашей мецената-благотворителя. Благодарность моя будет неописанна, и мысль, что в империи российской всегда существуют *Шуваловы*, до самого гроба будет наиприятнейшим воспоминанием».

К этому прошению приложен был формулярный список просителя. К сожалению, в бумагах графа Хвостова не находится никаких дальнейших указаний о судьбе этого прошения и его автора.

Кроме лиц, превозносивших графа Хвостова для своих выгод, у него были и бескорыстные хвалители, не на шутку восхищавшиеся его произведениями. Это были наиболее бездарные

с. 581 из современных ему стихотворцев, до такой степени лишённые умения различать худое от посредственного, что произведения графа Хвостова казались им чуть ли не идеалами, достойными удивления и подражания. Такое явление можно объяснить исторически-крайним упадком так называемой ложно-классической школы в последние годы жизни графа Хвостова. К числу таких поклонников старика Хвостова принадлежал, например, старший учитель нижегородской гимназии *М. П. Духовской* (тоже стихотворец), заставлявший своих учеников покупать и выучивать наизусть «образцовые» произведения графа.

Под влиянием всей этой лестии граф Хвостов стал считать себя гениальным писателем, а произведения свои — образцовыми «во всех родах». Он писал стансы и послания, где, недолго думая, называл себя мудролюбцем, наперсником муз, вдохновенным творцом и другими лестными именами, и в то же время постоянно выставлял на вид свою скромность. Вот несколько его замечаний о самом себе:

«Почести мои литерерные столько велики, что я бы желал, чтобы по ним судили о моих достоинствах. Я — член российской императорской академии вскоре после основания её, академии падуанской, университетов: московского, харьковского и виленского, Беседы любителей русского слова в Петербурге и такового же общества при университете московском, Общества испытателей природы в Москве и любителей словесности в Санкт-Петербурге, вольного экономического и минералогического... признаюся, что я бы не желал теперь умереть, ибо лирические творения мои, о коих и иностранные многие журналы с великою похвалою отзывались, требуют ещё некоторых поправок. Однако скажу, что во всех их видны блеск пламенного воображения и сильный законодательный дух поэта; многие оды содержат в себе куплеты, исполненные высоких мыслей воображения... Я не могу жаловаться

на иностранных литераторов; к тому-то и приноровил недавно стих в ответ на „Послание“ князя Шаликова, что, может быть, погрузюсь в реку Лету с большим запасом —

Шесть томов стихами,
Увы! — чужих земель с газетными хвалами!

Соотечественники мои так моею европейскою известностию возгордились, что не удаивают меня разбора по правилам эстетики».

Эти «чужих земель газетные хвалы» поставлял для Хвостова услужливый немецкий журналист Меркель, издатель газеты «*Rigasche Zeitung für Literatur und Kunst*», печатавший похвальные отзывы о «творениях» Хвостова, который за это поддерживал и распространял его издание.

с. 582

Вот как отзывался иногда Меркель о произведениях своего патрона: «Вашего сиятельства почтеннейшее писание и присылка (конечно, стихов) соделали меня и гордым и счастливым. Пиндаров полёт и краса ваших од доказывают, сколь российская муза с юною орлиною силою поднялась выше всего, что токмо исполнить может поэзия других языков. Вскоре будет Европа с ревнивым удивлением изучивать её творения и чувствовать себя превышенною. Ваше сиятельство суть бессмертный корифей блистательного периода поэзии в знаменитом нашем отечестве. Сколь счастлив тот, кому предоставлено будет быть вашим провозвестителем!»

Кроме того, Хвостов заставлял переводить на французский и немецкий языки хвалебные рецензии своих сочинений и рассылал их в заграничные журналы; случалось, что и сам составлял такие рецензии, печатая их преимущественно в «Дамском журнале» своего послушного клиента, князя Шаликова; например, в «Телеграфе» 1827 г. (№ 22, стр. 165—167) помещён иронический отзыв о Хвостове; разобиженный пиит пишет длинную статью под заглавием «Нечто о нелепой критике» и посылает её в «Дамский журнал» от имени *Авксентия Мартынова*, будто бы издателя своих сочинений. Черновая этой статьи, сохранённая в бумагах Хвостова и от начала до конца писанная его рукою, обличает настоящего её автора.¹

В имении графа Хвостова (Владимирской губернии, Переславского уезда, село Выползова Слободка) протекает речка Кубра; Хвостов воспел её в одной из своих од, и с тех пор постоянно величал себя «Певцом Кубры». Он писал, как тогда говорилось, «во всех родах», особенно же любил послания и оды; последние он сочинял или, как он сам говорит, «делал», на всевозможные случаи, важные и неважные, прошедшие, настоящие и даже будущие (например, в начале июня 1817 г. он написал оду на бракосочетание великого князя Николая Павловича, совершившееся только 1 июля того же года). Особенно любил он подносить свои произведения особам императорской фамилии и с гордостью указывал на много раз полученные им за это благодарственные рескрипты. С необыкновенною и неутомимою щедростью он рассылал как полные собрания своих сочинений, так и отдельно изданные стихотворения и прозаические статьи по всей империи — в университеты, гимназии, училища, воспитательные дома, богадельни, чуть не при формальных отношениях к начальникам этих заведений, требуя распространить посланные экземпляры; особенно усердно награждал он ими архиереев: у него был даже особый агент, *Ир. Ф. Подшивалов*, служивший в синоде и постоянно сообщавший ему о перемещениях и назначениях архиереев, так что граф Хвостов всегда мог знать, кому и куда послать свои стихи. По словам *М. А. Дмитриева*, «он так любил дарить свои сочинения и распространять свою славу, что по дороге к своей деревне дарил свои сочинения станционному зрителю, и у них можно было видеть приклеенные к стенке его портреты».² Стоило ему только услышать о каком-нибудь литераторе, чтобы немедленно отправить к нему целый тюк своих произведений. В 1812 г. *П. П. Свиньин* (впоследствии издатель «Отечественных записок»), находившийся в Америке при посольстве, прислал А. Ф. Лабзину «Письмо из Филадельфии», напечатанное в № 13 «Вестника Европы» того же года. Граф Хвостов, до тех пор ничего не знавший о существовании Свиньина, тотчас же пишет ему длинное послание в стихах и отправляет в Филадельфию вместе с другими своими произведениями. Известному *Д. В. Давыдову* случилось написать статью о *Суворове* — и вот что произошло с ним по поводу этой статьи, как сам он рассказывает в письме к Н. М. Языкову:

с. 583

¹Статья эта напечатана в «Дамском журнале» 1828, № 11, стр. 204—213.

²«Мелочи из запаса моей памяти», стр. 77.

«Не будучи знаком с графом Хвостовым, я на днях получил от него письмо: как родственник Суворова, он, благодаря и хваля меня до безумия за статью мою об этом великом человеке, уверяет, что я один оценил сего неразгаданного метеора; всё это, вероятно, затем, чтобы найти удобный случай для присылки двух новых стихотворений своих... Я не забуду, — прибавляет Давыдов, — шутки умирающего Суворова. За несколько часов до своей кончины, отдав несколько приказаний окружающим его, он слабым голосом позвал к себе Хвостова и сказал ему: „Друг мой, одолжи меня, не пиши од на смерть мою“».¹

с. 584

Стихи Хвостова переводились на французский, немецкий и английский языки, иногда этим занимались его друзья, например *П. И. Голенищев-Кутузов* (попечитель московского университета, рассылавший свои оды по гимназиям с приказанием читать их в торжественных собраниях), граф *Григорий Сергеевич Салтыков*, известный *Жозеф-де-Местр*, и другие; чаще же всего эти переводы делались по заказу, за деньги. Этими переводами граф Хвостов щедро оделял иностранцев как в России, так и за границу. В 1812 г. переведена была на английский язык ода его на мир с Англиею; он отправил её, между прочим, *А. А. Писареву*, находившемуся тогда в действующей армии, и получил следующий ответ, в котором, по-видимому, и не угадал иронии:

«Оду вашу вручил лорду *Вильсону*, присутствующему при нашей армии и на ту пору отправлявшему депеши в Константинополь, куда, я думаю, и полетела ваша ода, и —

В Константинополе иль в Самаркане
Какой-нибудь в чалме из усачей,
Со помощью толмачей,
На мягком возлежа диване,
Преложит те стихи... Вам вечная хвала!
Али, Алла, Али, Алла».

В 1821 г. сын его отправился при посольстве в Саксонию; граф Хвостов приказал ему непременно побывать в Веймаре у *Гёте*, и получив от сына письмо об этом визите, тотчас же отправил «славному в Веймаре *Гёте*» несколько экземпляров своих стихов в немецком переводе, при письме, в котором, между прочим, говорит:

«Так как я не имею счастья читать ваши учёные произведения в оригинале, ибо не владею немецким языком, то и просил славного господина Раупаха перевести мои стихи на ваш язык. Перевод, как меня уверяют, очень хорош и в то же время верен. Буду счастлив, м. г., если вы удостоите принять несколько цветков северной музыки, которая с совершенным почтением» и прочее.

Воспользовавшись пребыванием в России *А. Гумбольдта* в 1829 г., Хвостов спешить послать и ему свои стихи в немецком переводе; а в следующем году, через французское посольство, отправляет свой перевод «Науки стихотворной» *Буало* во французскую академию, для *Ламартина* и *Вильмена*. Здесь кстати будет рассказать историю этого перевода, наделавшего Хвостову немало хлопот. Вот рассказ самого Хвостова:

с. 585

«Я думаю, — говорит он, — что мой перевод, сравнительно с переводом г. *Тредьяковского*, есть тот же самый, как и его, только присланный им из царства мёртвых с большею чистотою и свободностью слога, может быть и с большею несколько способностью к поэзии... Остаётся знать, кто кого перегнал счастливыми выражениями и кого скорее на память затверживать будут... Сей перевод посвятил я российской императорской академии (1804 г.), прося её вспомоществовать мне своими замечаниями. Сперва получил очень лестные письма от членов — *Г. Р. Державина* и *М. Н. Муравьёва*,² потом сие сочинение было предано забвению, так что насилиу его отыскивали для возвращения мне. Возвращая, читали первую песнь и нашли, что она очень плохо переведена. Гаврило Романович (*Державин*), прежде меня письмом хваливший, немилосердно меня ругал; *А. С. Хвостов* доказывал (негодность перевода) колкими насмешками... Они в образчик дали мне десять стишков, ими переведённые, которые, по незлобию моему, я в печать не отдаю, а храню в бумагах».³

¹«Библиографические записки», I (1858), 196. Граф Хвостов, однако, не исполнил этой просьбы: ода на смерть Суворова помещена в Собрании его стихотворений, издание 1821 г., том I, стр. 113—115.

²Писем этих, однако, в рассмотренных нами бумагах не находится.

³Стихи эти, явно метившие на излишнее рифмолюбие Хвостова, напечатаны в Сборнике статей II отделения академии наук, том V, выпуск I, стр. 133, примечание 4.

Только что Хвостов напечатал свой перевод, как в парижском журнале «Revue Encyclopedique» появился перевод эпиграммы на него, написанной *Дмитриевым* и попавшей даже в «Учебную книгу русской словесности» *Греча*. Разобиженный переводчик упросил своего приятеля, полковника *Дестрема*, написать апологию своему переводу. Дестрем написал (по-французски) большую статью, которая была послана в подлиннике в «Revue Encyclopedique», а в русском переводе — в «Вестник Европы»; но ни здесь, ни там не была принята; тогда Хвостов напечатал то и другое отдельно брошюрой и разослал ко всем своим знакомым и незнакомым. Кроме того, он сочинил французское письмо в редакцию «Revue Encyclopedique» от имени какой-то *M-me Bussie de Radotère*, где придаёт своим стихотворениям эпитеты *baeu, sublime, charmant*, а о переводе Буало говорит: «Этот перевод чрезвычайно верный и точный, полный хороших русских стихов, заслужил общее одобрение и должен всегда считаться трудом, делающим честь русской литературе». «„Телеграф“ возмечтал, что сочинил это я сам», — замечает граф Хвостов на черновом письме; но самое это письмо, с собственноручными поправками и дополнениями графа Хвостова, доказывает, что «Телеграф» «возмечтал» совершенно справедливо. Граф Хвостов не успел ещё успокоиться, как *Полевой* в своём «Телеграфе», по поводу статьи другого французского журнала, зло посмеялся над его переводом, советуя назвать его «*Депрео вывороченный наизнанку*». Хвостов вышел из себя и обратился чуть не с формальной жалобой к попечителю московского университета *А. А. Писареву*: «покорно прошу ваше превосходительство (пишет он), в истинное одолжение мне и самой литературе, призвав к себе г. издателя „Телеграфа“, воспретить ему отныне впредь касаться глупыми насмешками до моего лица и до моих сочинений; не смысла критиковать оные по правилам эстетики, пускай беснуется и молчит; он должен быть уверен, что я никогда отвечать ему не стану... Надеюсь, что по дружбе вашей и милости ко мне, пасквилянт, убедясь начальническими и эстетическими вашими наставлениями, перестанет меня беспокоить своими дерзостями». Затем следует характерная приписка (по поводу статьи князя *П. А. Вяземского* в № 14 «Телеграфа», 1827 г.):

с. 586

«А сей мною называемый скоморох пустился уже и на вашу братью — генералов, точно — на вашу братью, на генералов славных, и не щадит *Суворова*, сего великого полководца... назло всей Европе и благодарной России, не хочет один признавать его за *полубога*».

Писарев отделался от Хвостова стишками и, конечно, не думал делать наставлений *Полевому*; но расходившийся стихотворец долго ещё после того заставлял своих секретарей переписывать это послание к Писареву и рассылал копии его по всем своим друзьям и хвалителям. «Я простодушен (говорит он в письме к своему куму и клиенту *М. Н. Макарову*), но в мои лета и в моём звании надобно самому без всякой злобы уметь щёлкнуть журнального сыщика; я это и сделал, презрел и купца, и его батрака, хотя оный был бы князь... Мне стыдно перебраняться с негодяями; но я лучше сделал: я огласил их поступок *начальству*, и после того не скажу ни слова».

Вот этот-то злополучный перевод *Буало*, с примечаниями *Городчанинова* и апологиею *Дестрема*, Хвостов послал *Ламартину* и *Вильмену*. Неизвестно, отвечал ли ему первый, в бумагах Хвостова нет на это никаких указаний; но ответ *Вильмена* очень характерен, почему и приводится здесь вполне. Вот что пишет он от 17-го августа 1830 года:

(Перевод.) «С признательностью получил я, граф, драгоценный труд, присылкою которого вам угодно было почтить меня. Я желал бы иметь возможность судить о его достоинствах; впрочем, я внимательно прочёл рассуждение г. *Дестрема*, которое помогло мне в моём незнании. Перевод ваш, м. г., есть памятник, воздвигнутый на славу нашей литературе. Я жалею только о том, что русский язык у нас мало известен: это заставляет меня, м. г., сомневаться в возможности поместить у наших книгопродавцев более или менее значительное количество экземпляров вашего труда. Несмотря на всё уважение к этой книге и к её автору, она не будет иметь читателей. Впрочем, я думаю, м. г., что экземпляры вашего труда должны быть приобретены публичными библиотеками и сохраняемы, как благородное свидетельство нашего литературного влияния. За это, м. г., мы должны благодарить и хвалить вас. Примите и прочее. *Вильмен*».

с. 587

Ещё в 1808 г. граф Хвостов, как «знаменитый поэт», избран был в почётные члены харьковского университета, куда аккуратно доставлял свои произведения. Каково же было удивление нашего поэта, когда он узнал, что в публичном собрании университета, 30-го июня 1820 г., студент *Попов*, читая рассуждение о русской словесности, не счёл даже нужным упомянуть имени графа Хвостова в числе русских писателей! Оскорблённый граф тотчас же написал своему давнишнему знакомому, адъютанту *А. В. Склабовскому*, длинное письмо,

наполненное упрёками и жалобами, и просил его справиться у ректора почему именно университет пропустил «столь недостаточное и исполненное погрешностей сочинение». *Склабовский*, вместе с профессором русской словесности *В. Я. Джунковским*, поспешили успокоить рассерженного поэта утешительными письмами. Вот как извинялся перед ним *Джунковский*:

с. 588

«С крайним прискорбием усмотрел я из письма вашего сиятельства, к г. *Склабовскому* писанного, то негодование, которое вы изъявили по случаю пропущенного имени вашего в речи студентской. Позвольте, сиятельнейший граф, мне, не как профессору, а как постороннему посреднику, уважающему достоинства вашего ума и сердца и знающему состояние дел университетских, представить сие дело в том виде, в котором можно вывести справедливое заключение без обиды университета и без оскорбления вашей чести. Сочинения студентов обыкновенно рассматриваются только одним профессором или даже адъюнктом, и потом ректором одобряются к печатанию. Их никогда не читают в общих собраниях. Иногда бывают такие слабые пиесы, что только для одного одобрения молодого писателя, а не для просвещённой публики, позволяют печатать оные. Университет оные иначе и не почитает, как классическими упражнениями, которые, конечно, могут и должны быть различного достоинства, то есть хорошие, посредственные и худые, следственно они и служат только доказательством успехов в науках одного какого-либо студента, а не всех, в одной какой-либо науки, а не во всех... Университет, избрав вас в свои почётные члены, конечно, уже оправдал мнение своё о ваших заслугах в словесности российской. Он и теперь принимает произведения вашего пера с благодарностию, и радуется успехам отечественного просвещения».

Склабовский говорит иначе:

«Слепцы могут ли указывать путь другим? Итак, мудрено ли, что какой-нибудь молодой сочинитель слишком *молодого*, незрелого рассуждения о писателях, которых он, вероятно, и вовсе не читал, повторяет с голосу других слова на известный уже напев, от себя же прибавить того, о чём ещё не говорили или мало сказали другие, он и не смеет и не может? Не таковы ли суждения о писателях и студента *Попова*? Он не смотрел на труды, особенного уважения достойные какого-либо автора, ни на важность и пользу его произведений, чтобы справедливо оценить их, ибо для сего не довольно слышать и знать как другие мыслят, но надобно самому уметь мыслить; надобно иметь ум пронизательный, дальновидный, соображение тонкое и глубокое, здравую логику и большую опытность. Но имел ли хотя что-нибудь из сего упомянутый *Попов*, когда, слагая или, правильнее, перелаживая на свой лад сказанные уже другими похвалы мёртвым и живым авторам, и *оглашая* (как вы прекрасно выразились) *до последней малиновки нашего Парнаса*, ни слова не упомянул о достойнейшем переводчике таких авторов, которые научают петь и самых соловьёв, о переводчике *Боало-Депрео*, *Горация*, *Расина*, *Лафонтена* и других, о сочинителе многих прекрасных пиес оригинальных?»

Удовлетворившись этим объяснением, граф *Хвостов* тотчас же послал *Склабовскому*, для передачи *Попову*, полное собрание своих сочинений и новое издание перевода *Буало*, вероятно, для того, чтобы предостеречь молодого писателя от ошибок на будущее время...

с. 589

Превозносимый до небес своими клиентами и услужливыми журналистами, умевшими пользоваться его авторскою слабостью, ослеплённый стихотворец считает восторженными похвалами самые простые выражения благодарности за присылку своих стихов, и ещё старательнее принимается за сочинительство, повторяя:

«Люблю писать стихи и отдавать в печать!»

Со всех сторон сыплются на него насмешки, эпиграммы; даже такие писатели, которые, по своему таланту, едва ли могут занять место выше графа *Хвостова*, даже и они стараются, при всяком удобном случае, щегольнуть острым словом на его счёт. Но граф *Хвостов*, оскорбляясь этою «дерзостью парнасских забияк», вовсе не принимает к сведению уроков критики: он составил себе твёрдое убеждение, что все насмешки над его бездарностью «суть вопли злобной зависти, а отнюдь не критика», и потому на всякую нелестную для него рецензию отвечает:

«Стихи писать
И их читать
Везде намерен!»

«Пускай зоилятся парнасские ерши!»

Считая себя одним из классических русских писателей, он всегда, в письмах, прозаических статьях и заметках, цитирует, для подтверждения своей мысли, собственные стихи, как тексты Священного Писания или изречения древних классиков. Это даёт его корреспондентам повод в каждом письме восхищаться его стихами и восклицать:

«Пой, граф, и дружества ты с музами не рушь!
Для светлого ума, для нежных, добрых душ
Твоя песнь сладостна!..»

Как относились к нему другие, увидим в своём месте.

III.

- с. 71 Граф Хвостов при жизни своей несколько раз издавал полные собрания своих стихотворений, причём всякий раз переделывал и дополнял их, снабжая каждое стихотворение обширными примечаниями и вариантами. Первое издание сделано было им в 1818 г. в 4 томах, и затем повторено в 1821—22 гг.; в 1827 г. вышел 5-й том, под заглавием «Разные стихотворения графа Хвостова, сочинённые после полного издания», с портретом автора. В 1828—29 гг. эти пять томов были изданы вновь с прибавлением шестого, в котором помещены прозаические статьи; наконец, уже через четыре года после смерти графа Хвостова, в 1839 г. кто-то издал небольшую книжку его стихотворений. Кроме того, по нескольку раз были изданы его «Притчи» (1-е издание 1802 г.), перевод «Науки Стихотворной» *Буало* (1804 г.) и «Андромахи» *Расина*. Все эти книги расходились очень плохо, так что сам автор скупал и уничтожал прежние издания и вслед за тем делал новые, чтобы показать, что на его сочинения существует большой запрос в публике, которая в то время знала уже лучшие произведения *Жуковского* и *Пушкина*.
- с. 72 При 4-м томе «Полного Собрания» 1822 г. приложен, по обычаю того времени, список подписавшихся на эту книгу — всего только на 55 экземпляров; отсюда нужно ещё исключить лиц, получивших даровые экземпляры, например — графа *Румянцева*, *А. И. Брасовского*, митрополита *Евгения* и других, так что действительных подписчиков едва ли можно считать более 20. Ясно, что «творения» графа Хвостова лежали в книжных лавках, «не оскверняемые дерзновенною рукою читателей», как сказал о них *Пушкин*. Немногие из современников графа читали его произведения; теперь, когда прошло уже более 55 лет после его смерти, он забыт совершенно, так что смело можно сказать, что последние два поколения вовсе незнакомы с его трудами. Между тем, для того, чтобы наглядно представить себе те причины, из-за которых почтенный и заслуженный сенатор навлёк на себя такое гонение в литературе и в обществе, необходимо хоть несколько познакомиться с его авторскою деятельностью. Этот беглый пересмотр полного собрания его стихотворений будет ещё нужнее, если принять в соображение, что граф Хвостов в своих стихах является последним представителем ложно-классической теории, оставаясь до конца верным последователем французской пиитики, видевшей в поэзии только *стихотворную науку*, то есть искусство писать стихи правильным размером. Стихотворения графа Хвостова служат наглядным доказательством крайнего упадка этой литературной школы, правила которой, благодаря раздражательному характеру нашей литературы, тяготели над нею в продолжение целого столетия.

1-й том «Полного Собрания» 1821 года заключает в себе «*Лирические творения*». Эпиграфом к нему поставлен стих:

«За труд не требую и не чуждаюсь славы».

В предисловии граф Хвостов говорит о себе:

- «При скудости моих дарований, любя словесность и почитая высокую цель оной, то есть просвещение, благонравие и распространение вкуса, я мог, подобно другим, в счастливые минуты моего, хотя недостаточного восторга, чувствовать поразительные красоты мира телесного и духовного. Без всякого притязания на право стихотворца, по чувству любви, долженствующей оживлять каждого человека и особенно писателя, не запрещено мне верить мои понятия и чувства бумаге и разделять оные с моими приятелями и современниками. Вот история моего авторства. Есть ли непреодолимое некое влечение может позволить каждому с посредственными и слабыми дарованиями писать в стихах или прозе, то не следует из сего, чтобы каждый мог оставлять свои сочинения в том виде, как они в первом жару выльются из-под пера сочинителя. Многие, может быть, порицали меня за часто повторённые издания.
- с. 73

Я делал оные, и есть-ли жизнь моя продолжится, всегда делать буду насчёт авторского славолюбия, единственно для удобнейшего исправления погрешностей...»

«Лирические творения» открываются одою «Бог». Эта ода написана в 1795 г., через 11 лет после знаменитой оды *Державина*. Как высоко Хвостов сам ценил своё творение, видно из следующего анекдота: раз, отправляясь в Царское Село, он взял с собою секретаря своего, *Ильинского*, и дорогою требовал, чтобы тот откровенно сказал ему — которую из двух од, *Державина* или Хвостова, он находит выше. Услышав искреннее мнение своего спутника, которое было в пользу *Державинской* оды, оскорблённый поэт хотел было высадить его середь дороги, и с трудом согласился везти его дальше.¹

Вот начало этой оды:

«Громада велелепна света,
Волшебной прелестью одета,
Какою силою течёт?
Кто цепь содержит чина вечна
Среди пространства бесконечна?
Кем бег равняется планет?
Одна другую тянет, клонит,
Не тратя расстоянья, гонит
В неизмеримом поле звёзд;
А солнце, во едино время
На множество сияя мест,
Миров свободно движет бремя», и так далее.

Известна эпиграмма *Державина* на эту оду:

«Как нравится тебе моя о Бога ода?»
Самхвалов у меня с надменностью спросил:
«Я фантастическа не написал уroda,
О коем нам в письме Гораций говорил;
Но всяку строку я набил глубокой мыслью
И должный моему дал Богу вид и рост».
— «То правда, я сказал: нелепицу ты кистью
И быть бы где главе, нарисовал тут... хвост».²

За эту одою следуют разные духовные стихотворения, большею частью переложения псалмов; затем, во втором отделе, помещены «Оды на разные случаи». Здесь есть, например, ода Ломоносову, в которой граф Хвостов обращается к нему так: с. 74

«Взлети на Пинд высоким духом,
Парящим ветра на крылах;
Певец! сердцами смертных, слухом
Владей в неведомых странах;
Высокие утёсы, горы,
Свирепость бурь, стихиев споры
Ты въяве кистью предъявлял;
Ты, силы восприяв орлины,
Через степи, ровный путь, стремнины
Неустрашимо пролетал.
· · · · ·
Вступи в смиренную обитель,
Где солнце ты узрел, певец,
Где сребровласый твой родитель
Был в царстве влажном рыб ловец,
Где муз прельщённому красую

¹Сочинения Державина, 1-е академическое издание, I, 191.

²Там же, III, 518.

Тебе назначено судьбою
Отвергнуть множество препон
И року вопреки сурову,
Шагнуть, оставя сень отцову,
От Белых вод на Геликон».

Здесь же (стр. 90) находится пресловутая ода «Реке Кубре», за которую граф Хвостов всегда называл себя «певцом Кубры»:

«Кубра! ты первая поила
Меня пермесскою водой,
Младое чувство возбудила
Прельщаться нежных лир игрой!

Хребет свирепого Нептуна
Лети, кто хочет попить,
И стрелу грозную Перуна
Дерзай, кичливец, отражать!
Трезубцем бог вооруженный
Смиряет мысли напыщенные;
Когда наскучит бурный вал,
К пенатам кормчий возвратится;
Тогда раскаянье родится,
Что тщетно в подвиге страдал».

В другом стихотворении «Деревня и сельский праздник» наступление августа месяца описывается таким образом (стр. 121):

с. 75

«Ужасну челюсть затворяет
Огнём дышащий в небе лев;
Уже смиренно водворяет
Коней в обитель девы Феб;
Палящи зной удалились,
Прохлады ветерки явились,
Волнуют класы как моря.
Там жатвы нимфами любимы,
Тряхнув кудрями золотыми,
Спешат встречать светил царя».

с. 76 Во втором томе, с эпиграфом:

«Люблю писать стихи и отдавать в печать»

помещены «Послания»: «О красоте российского слога», «О пользе словесности», «О притчах» и другие, за которые граф Хвостов требовал себе «непостыдного места среди поэтов-дидактиков». В послании «О красоте российского слога» интересны следующие стихи:

«У нас Мароны все, и все восторгом дышат;
Возьмут чернильницу, перо, бумагу — пишут.
В искусстве не узнав ни правил, ни конца,
Печатают стихи и ждут от муз венца.
Но если бредни их венчает смех народный, —
Творец не виноват; — а кто ж? — язык бесплодный!
Не диво, что у нас стихов негодных тьма,
В которых смысла нет, ни вкуса, ни ума».

Далее автор даёт молодому стихотворцу такой совет:

«Будь мыслями высок, а в слоге плавлен, чист;
Являя бури гнев, представь нам ветров свист;

Коль чужд тебе язык иль скуден дар природный,
Простися с музами, твой будет труд бесплодный;
От стихотворного отстань ты ремесла,
Ползущих на Парнас не умножай числа».

Из этих стихов видно, что граф Хвостов отлично понимал всю неуместность и нелепость рифмоплётства, но замечая этот порок в других, никогда и не думал, что сам он грешит тем же, над чем смеётся. Напротив, он несколько не стесняется печатно говорить о себе:

«...ступай теперь, Хвостов,
Награду получить достойную трудов;
Стань смело наряду с бессмертными творцами,
И, скромность отложив, красуйся их венцами».

Особенно интересны послания «К А. А. Писареву о ложных критиках», «Н. И. Гнедичу о истинном критике», ему же «О мелких критиках». Здесь довольно определённо высказывается взгляд автора на мучивших его «зоилов», в отместку которым, как видно, и написаны эти послания. Вот что говорит он о новейшей критике:

«Сей суд, благодаря проворным языкам,
Невежи разнеся в столице по домам,
Без доказательства худое превозносят,
Без доказательства хорошее поносят;
А книга бедная, стеснённая судом,
На время долгое покрытая стыдом,
От невских берегов, бежа поносной брани,
Летит на почтовых до Вятки и Казани.
Прямую критику, чистейший музы свет,
Мир, имена смешав, пасквилями зовет».

Примечание. Из всех зол самое опаснейшее для словесности есть подобные критики. Не смысля оценить сочинение, не умея обратить на оное внимание публики, они разносят повсюду кривые и вредные свои толки, и сколько от сего погибло сочинений достойных! сколько, по крайней мере, на время находится в забвении! и сколько молодых писателей, утраченных сими ядовитыми эхидами, оставили поприще поэзии! Злоба и безумие похищают славу, единственное одобрение и награду талантов, и преграждают успехи словесности. Это, смею сказать, преступники, достойные всеобщего омерзения».

При этом граф Хвостов замечает о себе:

«Не ставя в ряд себя к певцам, венчанным славой,
Довольно, что стихи считаю я забавой.
Хвала правительству! — на рифмы пошлин нет!
Ничей от них меня не отвратит совет.
Пусть Бавий на меня сатирой злобной грянет, —
Ругать мои стихи и опечатки станет;
Пусть скоро в городе распустит глупый бред:
В моё творенье он свой гений не вдохнет.
Мне будет жаль его, а не за что сердиться:
Кто Бавия уймёт — с рассудком не бранится!»

Тут же помещено «Послание к Ломоносову о рудословии», читанное в минералогическом обществе — стихотворение, которое особенно превозносили хвалители графа Хвостова. Всё это написано стихами вроде следующих:

«Металлов, камней он вдруг мириады зрит;
Звездятся соли там, — и в каждой луч горит.
Вникает ревностно в их образ перемену,
И свойство внутренно, и тягость, блеск и цену.
Сретаёт множество блистательных рядов

От сущей древности известнейших родов:
Кремнистый, глинистый, цирконный и глицинный!
Истрийский, тальковый, ториновый, стронцинный,
Тяжёлый, названный по-гречески барит,
Затем галлитовый, как Вернер говорит», и прочее.

В третьем томе помещены *басни*, разделённые на 4 книги, с эпиграфом:

«Вот книга редкая: под видом небылиц
Она уроками богато испещрена;
Она — комедия; в ней много разных лиц,
А место действия — пространная вселенна».¹

Виньетка изображает лавровое дерево, на ветвях которого висит медальон с портретом графа Хвостова; под деревом сидит муза с свирелью, а вокруг неё стоят и лежат разные звери. Под этим подпись:

«Все звери говорят, а сам молчит поэт».

Об этих баснях граф Хвостов был очень высокого мнения. В биографии говорится, что «басни его суть первые после *Сумарокова*»; в письме к дерптскому профессору Василию Михайловичу *Перевозчикову* граф Хвостов замечает:

«Один остроумец, вечером, в весёлой компании сказал, что *Сумароков* нашёл басню на поле, *Хемницер* привёл её в город, *Дмитриев* ввёл её во дворец, *Крылов* вывел на площадь, а *Измайлов* повёл в кабак. Я нахожу, что мои басенки... не без достоинства; а что касается до 1-й и 3-й книги, в коих все 60 басен переложены с французского славного баснописца (*Лафонтена*), то мне кажется, что оные могут быть переведены снова (как уже и есть) кем угодно, и едва ли затмят мой перевод, который имеет достоинство при сохранении мыслей автора и собственной по языку оригинальности».

В автобиографической записке он высказывается откровеннее:

«Вот стихи из притчей моих: говоря о женщинах —

„За их вины у них прощенья не просил“.

говоря о краже стихотворцев:

„Выкрадывать стихи не важное искусство:
Украдь Корнельев дух, а у Расина чувство“.

с. 79 ещё:

„Ползя
Упасть нельзя“

или:

„Козлоглаголивым органом
Витийствует перед болваном“.

Ежели бы я прожил на свете сто лет, и тут от сих стихов не откажусь и надеюсь, что будет мне много товарищей. Но беда вся в том, что не следовал стиху *Буало*: „С серединой согласи начало и конец“. Вот отчего притчи мои, исполненные — смело скажу — оригинальностью, живостью и простотою, подобною *Хемницеровой*, имеют честь десять лет, как *Федровы*, лежать в книжной лавке. Я надеюсь их скоро, исправя, выдать в свет, и тогда, может быть, о них заговорят. Я на сие и не сержусь, и до тех пор, пока не выдам их вторым изданием, молчу».

Митрополит *Евгений*, к которому граф Хвостов часто обращался с просьбами высказать своё мнение о его сочинениях, писал ему:

«Любя и почитая вас, я вижу только хорошее в ваших сочинениях. В *одах* ваших я многим любовался, а в *притчах* большую часть оных полюбил, и твёрдо уверен, что

¹Подражание *Лафонтену*: Une ample comédie en cent actes divers || Et dont la scène est l'univers. (П. М.)

в храме вкуса притчи ваши будут наряду с Сумароковыми. Никакой Вольтер не исключит вас из класса почтенных фабулистов, и это ваш преимущественный класс в авторстве».

В другом письме о том же предмете он говорит:

«Что о *притчах* ваших никто о сю пору ничего не говорит — это само по себе ясный глас, увещающий вас и их во многом поправить, переделать и поубавить их к новому изданию. Тогда сами заживо услышите, что заговорят о них. Не нужно много писать, чтобы много заслужить славы. Пиндар, Гораций, Федр — все в маленьком кармане поместятся; но кто не носил их в своих карманах? А Сумарокова ныне уже не могут и из книжных лавок выжить, несмотря на то, что современники величали его и Расином, и Ла-Фонтеном и прочее и прочее... Не всё надобно писать что хочется:

Le moyen le plus sûr d'enpuyer, c'est tout dire».

Одну из своих басен граф Хвостов начинает так:

«Я в царстве басенок пчела:
Везде летаю,
Читателей своих
Чужим питаю.
Видали Федре и других
В стихах моих;
Признаюсь, люблю я очень Лафонтена
И вымыслы его стараюсь перенять.
Нещастие — он горче хрена:
Нет дарования так ловко рассказать», и прочее.

с. 80

О слоге переводных басен можно составить себе понятие по оригинальным, которые интересны различными намёками автора на собственное положение в литературе. Например:

Осёл, хозяин и собачка

«Хозяин в милости собачку содержал
И ей лизать себя подчас не запрещал.
На бархатной она подушке почивала
И космы у неё служанка завивала.
Увидя то
Осёл ушами хлоп, и говорит: „я что?
И чем собаки хуже?
Не всё голодным быть и зябнуть век на стуже“.
Осёл, раздумавшись о том,
Как миленький прыгнул хозяину на шею
И громко заревел: „ласкаться я умею“.
Стал барина лизать широким языком,
Визжать открытым ртом.
Слуги помещика от друга свободили,
А длинноухого дубиной проводили.
Хоть близко и ко мне, а, право, грех смолчать:
Нельзя безногому в балете
И прыгать, и скакать;
Коль дара нет в поэте,
Нельзя ему на Пинд смекать».

В другой басне он говорит:

«Певцы надменны! Ступя на Гелкон,
Снимайте балахон!
Пусть вы богаты вдохновеньем;
Но если услаждать своим хотите пеньем
Священных муз,
Старайтесь, чтоб была везде своя отделка,
Блюдайте чистый слог, любите верный вкус;
А вкус в словесности, — ну, право, не безделка».

с. 81 Интересна ещё следующая басня:

Змея и Пила

«Лежала на столе у слесаря пила.
 Не ведаю, зачем туда змея пришла,
 Не бывша никогда в знакомстве с слесарями.
 Но лишь увидела, что солнышко лучами,
 Резвась с пилой,
 По ней рассыпало чудесный отлив свой,
 Богатый, золотой
 (Беда завистнику смотреть на блеск такой) —
 Трудится над пилой хотя змея усердно, —
 Её старание пиле вредить не вредно.
 Пила сказала ей: „мой свет!
 Ты пощади себя, оставь ухватки грубы“.

А мой сатирику ответ:
 Брани мои стихи, когда тебе не любы.

Примечание. Сим советом автора хорошие писатели могут воспользоваться. Дельно говорит Буало Расину:

„Мимотекущему посмейся воплю их“,

или в том же послании:

„Хорошие стихи от толков не погибнут“.

Для любителей стихотворных курьёзов каждая басня графа Хвостова представляет достаточный материал; выбирать из них примеры — значило бы переписать всю книгу. Вот несколько отрывков, взятых наудачу:

«В соседстве меж собой искусство и природа.
 Трубами из пруда
 Была проведена вода
 В потеху для народа.
 Умов затейливых на свете сём не нет.
 Богатый водомет
 Успел вмиг нарядиться
 И возгордиться.
 Пускает воду в рост,
 Несётся к облакам высоко;
 Оттоле, захватя пространство мест широко,
 Стучит о жестяной помост.
 Или, прозрачными мячами
 Играя солнышка с лучами,
 Приносит с высоты
 На землю радуги цветы».

с. 82

«Мужик представлен на картине:
 Благодаря дубине,
 Он льва огромного терзал.
 Все зрители в овине
 Сплетали множество художнику похвал».

В басне «Петух и Лисица»

«Летят собаки
 Пята с пятой».

Наконец, вот несколько стихов из басни «Щука и Уда»:

«Щука уду проглотила;
Оттого в тоске была, —
И рвалась, и вопила.
Близ её плотва жила;
Вопрошает щуку:
Мне, кума, поведай муку,
Рвёт которая тебя.
— Ненавижу я себя,
Щука отвечает:
Всё меня здесь огорчает,
И в другую я реку
Плыть хочу прогнать тоску», и прочее.

Эпиграфом к четвёртому тому служит двустишие:

«Что само по себе естественно, прекрасно,
То вновь перерождать и украшать опасно».

В этом томе помещены переводы «Науки о стихотворстве» Буало, нескольких сатир и посланий Буало и Ламартина и трагедия Расина «Андромаха». В начале книги помещено небольшое предисловие, подписанное: «издатель Андрей Иванов»; здесь, между прочим, говорится:

«Что касается до достоинства перевода, то можно справедливо сказать, что труд графа Хвостова в предложении Стихотворной Науки г. Буало заслуживает признательность любителей словесности. Многие места сего творения, заключающего в себе правила, принятые всеми просвещёнными народами, выражены на русском языке столь удачно, что имеют всю живость и красоту, свойственную оригиналу. Например, как хорошо сказано об основании и достоинстве оды:

„Богато чувствие и мыслей быстрота
Суть лирна пения источник, красота.
Слог в оде пламенен, а ход в пути не гладок;
Искусство часто в ней — прекрасный беспорядок“.

Или о расстановке букв:

„Смотри, чтоб гласная, спеша, не спотыкнулась
И с гласною другой в дороге не столкнулась“.

с. 83

Намеренно или ненамеренно, «издатель» приводит такие образцы красот Хвостовского перевода, которые сразу дают читателю понять, с какою книгою он имеет дело. Впрочем, вот ещё несколько отрывков из этого перевода, которым так гордился граф Хвостов:

«Слог ровной, всё одно имея направленье,
Хоть гладок и красив — наводит усыпленье:
Нельзя с приятностью тех авторов читать,
Чей столповой напев способен докучать.
Счастлив, кто лирой нас к веселию приводит,
Свободно с пиру в бой, в сад с бури переходит.
Творенью этому читатель очень рад;
У *Слёнина*¹ его берут все нарасхват».

«Вильон в толпе невежд сталь первый затевать,
Как лады певунов старинных очищать;
Марот, всех приуча любить его баллады,

¹ Московский книгопродавец того времени. (П. М.)

Затеял триолет, на рифмах маскарады;
 Припевам правильным рондо поработил,
 Не битую тропу поэтам проложил.
 Лишь возгремел Малгерб, одолевая трудность,
 Прелестную в стихах открыл на Сейне звучность».

«Спешу медлительно, имей в трудах терпенье;
 Сто раз пересмотри стихов своих творенье,
 Гладь, чисти в разные бесперестанно дни;
 Ты иногда прибавь, но чаще их черни.
 Ошибок множество когда стихи являют,
 То мало, что красы в них изредка сияют.
 Все вещи по местам расположи, певец,
 С серединой согласи начало и конец.
 Составь, сливая быль и вместе небылицу,
 Из множества частей ты в целом единицу,
 Чтоб содержанию приличный дух стихов
 Не стал отыскивать в дали кудрявых слов».

«Средь шума школьных бурь возросший Ювенал
 Гипербол колкий свой чрез меру простирал;
 В творениях его все истины жестоки,
 Хотя отрывки есть прекрасны и высоки».

с. 84

Следующий отрывок интересен как по складу стиха, так и потому, что представляет невольную эпиграмму графа Хвостова на самого себя:

«Иные обаяв надмением певцы,
 Сладкоречивые стихов своих писцы,
 Гостей балладами усердно угощают,
 Протопресвитерам элегии читают;
 В самой обители у алтарей святых
 Нельзя избавиться от наглой музы их».

Перевод «*Андромахи*» сделан такими же неуклюжими стихами, какими переводились и писались в то время почти все ложно-классические трагедии. В предисловии переводчика сохранился намёк, что актёры переделывали многие стихи, вероятно, для того, чтобы скрыть в представлении слишком явные недостатки текста. Достаточно выписать одну небольшую сцену, чтобы дать понятие о стиле целого произведения:

Действие III, явление VI.

Пирр, Андромаха, Феникс и Сефиза.

П. Где дочь Атридова? она мне душу гневну
 И боле воспалит.

А. Се взоров власть моих!

П. Что говорит она?

А. Ах! все в напастях злых

Оставили меня.

Ф. Пойдём, царь, к Гермione.

С. Прерви молчание! что пользы в тщетном стоне?

А. Пирр сына обещал...

С. И не вручил его.

А. Слезами не спасу я сына моего.

П. Не хочет взорами своими удостоить.

Кичливая! пойдём.

А. Пойдём царя покоить.¹

с. 85

¹Летопись русского театра, стр. 300.

П. Н. Аранов рассказывает, что экземпляры «Андромахи» во время её представления продавались при входе в театр. Автор спросил у продавца пьес: «Много ли вы продали экземпляров моей Андромахи?» — «Да всего один». — «Как это? у меня в неделю разошлось больше пятидесяти». — «Это дело другое, ваше сиятельство, — отвечал книгопродавец: — вы сами изволите раздавать, так у вас всякий возьмёт книжку, а здесь другой посмотрит, да и положит».

В пятом томе помещены «разные стихотворения» — переложения псалмов, послания, басни, мадригалы и прочее. Нет нужды выбирать особенно курьёзные стихотворения, и в этом томе их не меньше, чем прежде. Едва ли не самое замечательное в этом отношении — «Описание майского гулянья в Екатерингофе». Вот здесь, например, пароход изображается так:

«Огнём богатая гора,
Крутя пучину волн, сребра,
Вмиг силой пламени прибавить,
Непокоренная ветрам,
Умеет скорый бег судам.
Подняв на рамена громады,
В реках не опасаясь бед,
Петрополю даря отрады,
Клокочет, опеняя след.
За нею скоро ветр стремится,
И дым, несясь столбом, курится;
Летает по равнине вод
Полезный Берта пароход.
На быстроогненное зданье
Идёт и дама, и герой,
А с палубы и на гулянье,
Любуясь видов красотой».

Интересен также следующий мадригал «На представление *Поликсены*, трагедии г. Озерова»:

«Когда бы ты цвела в Пергамах, Поликсена,
Тебя, прекрасную, Пирр страстно б полюбил,
Завет родителя наверное б забыл,
И к нам бы без венца явилась Мельпомена».

с. 86

Наконец, вот ещё эпиграмма:

«Рифмушкин говорит:
Я славою не сыт;
Собранье полное моих стихов представлю,
По смерти я себя превозносить заставлю:
Изданье полное — прямой венец труда!
Нет нужды в справке,
Остаться я хочу, остаться навсегда...
Приятель возразил: — у Глазунова в лавке».

Приведёнными выписками из сочинений графа Хвостова достаточно определяется его значение в литературе и становится понятным, почему этот трудолюбивый стихотворец служил посмешищем для своих современников. В самом деле, в эпоху Жуковского и Пушкина нельзя было безнаказанно писать такие стихи. Было бы ошибкою сказать, что в то время уже не было таких плохих поэтов; их всегда много, а во времена Хвостова было много и таких, которые по своим дарованиям стоят гораздо ниже его; но они давно забыты, да и в своё время едва ли многим были известны, между тем как граф Хвостов, именно благодаря своему страстному желанию прославиться, приобрёл себе громкую известность. Желая во что бы то ни стало добиться бессмертия, он не щадил никаких трудов и издержек для осуществления своей заветной мечты — и публика невольно знакомилась с его произведениями, потому что

видела их всюду, куда только мог доставить их заботливый автор. В результате получилась слава совершенно особого рода: имя графа Хвостова перешло в потомство как нарицательное и затмило имена других версификаторов, может быть, ещё более бездарных, но зато и более скромных. Страсть его к стихотворству, доходившая до таких крайностей, конечно, сама по себе не возбудила бы такого гонения, если бы он сам не подал к тому повода немилосердным навязыванием своих стихов всем и каждому. Кажется, ни на кого не писалось такого множества эпиграмм, как на графа Хвостова ни о чём не рассказывалось таких смешных анекдотов, как об его неудержимой стихомании. Недаром талантливый водевилист А. А. Писарев в сатире своей «Певец на биваках у подошвы Парнаса», где одинаково досталось Воейкову и Грибоедову, Полевому и Каченовскому, сказал о Хвостове:

с. 87

«Хвостову нашему хвала!
Он славно сочиняет;
Его Россия не прочла —
Он сам себя читает.
Он всем известен как урод
Физический, моральный
И будет славен в род и род,
Как мученик журнальный».¹

Что касается до его литературных мнений, то они, в сущности, представляют мало оригинального; это мнения — общие целому литературному лагерю, к которому принадлежал граф Хвостов, воспитанный на произведениях ложно-классической поэзии XVIII века. Рассматривая эти мнения, необходимо иметь в виду положение русской литературы и взаимные отношения различных литературных школ в то время, когда жил граф Хвостов.

¹Библиографические записки, II (1859), 613.

IV.

Первая четверть XIX века представляет в высшей степени интересный период в истории русской литературы и общественной жизни — период, только ещё недавно сделавшийся предметом серьёзного изучения. Характерные черты литературы этого периода — быстрая смена направлений, разнообразие и обилие выдающихся фактов, стремление к самобытности. В XVIII в. французская литература, бесспорно, была первою в Европе как по числу талантливых деятелей, так и по своему общественному значению; потому понятно, что она должна была иметь решительное влияние на литературы других стран, и особенно на русскую, тогда только что вступившую в новый, европейский фазис развития. Первые представители нашей новой литературы: Тредьяковский, Ломоносов, Кантемир, подчиняясь влиянию господствовавшего в то время литературного вкуса, должны были подражать французским образцам — и с тех пор литературное направление, достигшее во Франции при Людовике XIV своего апогея, надолго утвердилось у нас и достигло высшего развития в царствование Екатерины II. Это направление, известное под именем псевдоклассицизма и получившее строгую регламентацию в теоретических трудах *Буало* (1636—1711) и *Батмё*, почти исключительно господствует в русской поэзии XVIII в., так что всякое нарушение правил поэтического уложения считается доказательством отсутствия вкуса. Форма до такой степени берёт верх над содержанием, условный способ выражения — над мыслью, что эстетическая критика развивается в направлении исключительно формальном, обращая внимание только на внешнюю сторону поэтического произведения и находя его совершенно достойным занять место в ряду образцовых, если оно удовлетворяет условиям правильности в стиле и в построении стиха. Писателям щедро раздаются громкие титулы российских Пиндаров, Гомеров, Расинов, Лафонтенов и прочие; публика, не привыкшая отличать поэзии от стихотворства, видит во всякой мерной речи «язык богов»; при общей бессодержательности и безжизненности псевдоклассического направления, развивается в литературе страсть к громким фразам, лишённым всякого реального содержания; эта страсть находит своё выражение в огромном количестве высокопарных и хвалебных од на всевозможные случаи; ода считается необходимою принадлежностью всякого торжества, общественного или частного, и, несмотря на постоянные нападки на неё в литературе, продолжает существовать до 30-х годов XIX в. Большая часть произведений этой торжественной лирики представляется только набором рифм; рифме и стиху нередко жертвовали смыслом, сочиняя необыкновенные слова или, по выражению Пушкина, ломая их в упрямый стих. Ничего не стоило, например, перенести в слове ударение на другой слог, сказать «*Аршеневск*» вместо *Аршеневский* или даже «*Кольбак*» вместо *Колюбакин*, как у *Петрова* в оде на Кагульскую баталию. Такое предпочтение формы содержанию заметно не только у заурядных стихотворцев, но даже и у лучших поэтов того времени, например, у *Петрова* и у *Державина*. Впрочем, наиболее талантливые представители литературы чувствуют бессодержательность такого направления и стараются освободиться от его влияния, создать нечто новое, более соответствующее требованиям настоящей поэзии и условиям действительной жизни. Нападки, сначала направляемые исключительно на формы лирики, направляются теперь уже и на её содержание; с началом XIX в. старому направлению противопоставляется новое, тоже подражательное, но уже более реальное — так называемый сентиментализм, главным представителем которого является, как известно, *Карамзин*. Это новое направление, и по форме и по содержанию резко отличавшееся от старого, вызвало в среде защитников старины целую бурю; новая литературная школа считалась ересью, представителей её обвиняли не только в непонимании основных законов поэтического творчества, но только в искажении и в профанации «высокого штиля», но даже в политической неблагонадёжности, в вольнодумстве, в якобинстве, в разврате. Борьба старого направления с новым велась не только в книгах и журналах;

с. 88

с. 89

где не помогала антикритика, там часто, нисколько не затрудняясь, прибежали к другим, совершенно не литературным средствам. Известно, что попечитель московского университета *П. И. Голенищев-Кутузов* (1767—1827), друг графа Хвостова и родственник *Шишкова*, не раз «торжественно представлял министру народного просвещения» выписки из сочинений Карамзина с указанием мест, «где открывается пагубное о вере и нравственности учение», и не раз писал графу *Аракчееву*.¹ Подобные же средства пускались в ход и впоследствии, и не всегда оставались без успеха...

В борьбе литературных партий неизменным защитником старины явился *А. С. Шишков*, автор знаменитого «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», видевший в вопросе о слоге вопрос религиозный и политический; *Карамзин* стоит в стороне от этого спора, и сторонниками «нового слога» являются его последователи. Рядом с спором о слоге идёт война из-за содержания поэтических произведений: классики отстаивают Буало и французскую пиитику, ратуют за Расина и Корнеля против Шекспира и «мещанской драмы»; сторонники нового направления требуют естественности, реальности и нападают на напыщенную псевдо-классическую ходульность. Сентиментализм скоро мельчает; бездарные последователи Карамзина доводят свою поддельную чувствительность до пошлости, вместо классической бессодержательной фразы является фраза сентиментальная, может быть, ещё более лишённая содержания и смысла. Последние представители сентиментализма поражают отсутствием всякого понимания действительной жизни и её потребностей; в этом не трудно убедиться всякому, кто потрудится заглянуть, например, в «Журнал для милых», издававшийся в 1804 г. *М. Н. Макаровым*, или в «Сентиментальные путешествия» князя *П. И. Шаликова*, издателя «Аглаи» (1808—1812) и «Дамского журнала» (1823—32). Князь *Шаликов*, известный в эпиграммах того времени под именем *Вздохалова*, может считаться последним представителем сентиментализма в нашей литературе, как граф Хвостов — последним классиком; оба они — живой пример того, до чего, в конце концов, дошло то и другое направление; при совершенной бездарности, сочинения князя Шаликова представляют такой же набор сентиментальных фраз, как сочинения графа Хвостова — набор громких слов и рифм, часто не только без содержания, но и без смысла. Они доживают свой век под градом насмешек со стороны представителей нового направления, во главе которого стоят Жуковский и Пушкин. Это новое направление, в то время не совсем удачно названное романтическим, скоро привлекает на свою сторону наиболее талантливых литературных деятелей и приобретает симпатии лучшей части публики. Одновременно с ним развивается новая критика, основанная на серьёзном изучении внутреннего содержания литературных произведений. Являются новые философские и эстетические взгляды, новые требования; поднимается вопрос о литературе как силе, имеющей общественное значение... Старое литературное развитие окончательно осуждено и забыто; немногие оставшиеся в живых представители его чувствуют, что их время прошло, и прошло безвозвратно, сетуют на быстрое распространение нового «развращённого» вкуса, но в то же время должны сознаваться, что борьба с этою новизною становится для них всё более и более непосильною. Среди этих представителей прошлого времени граф Хвостов неумолимо продолжает свою авторскую деятельность всё в том же направлении, в каком он начал её за полвека пред тем, и с тем же «неувядающим гением», который так превозносился его панегиристами. Недовольный равнодушием публики и насмешливыми отзывами журналов, он утешает себя тем, что «новая развращённая мода» скоро пройдёт и тогда талант его найдёт себе достойных ценителей. Считая себя лириком по преимуществу, он называет своими образцами *Ломоносова* и *Петрова*, и особенно высоко ценит последнего, вероятно потому, что высокопарный язык его од приходился Хвостову более по вкусу, чем сравнительно простой способ выражения Ломоносова. По мнению графа Хвостова и других писателей того же лагеря, «лирик должен быть благонравен, любить своё

¹ П. И. Голенищев-Кутузов был попечителем московского университета и округа с 1810 по 1817 г. Один из его доносов на Карамзина напечатан в «Чтениях в Обществе истории и древностей» 1858 г., книга II, смесь, стр. 185—186. Припомним злой куплет в «Доме сумасшедших» Воейкова («Русская старина», издание 1874 г., том IX, стр. 610):

Вот Кутузов: он зубами
Бюст грызёт Карамзина;
Пена с уст течёт клубами,
Кровью грудь обагрена.

Но напрасно мрамор гложет,
Только время тратит в том:
Он вредить ему не может
Ни зубами, ни пером.

отечество и выставлять примеры знаменитые. Он должен петь *Екатерину, Суворова* или подобных им». Вот почему он не совсем благоприятно отзывался о *Сумарокове*:

«*Сумарокова* лучше определить нельзя, как мне то удалось сделать в первом послании о критике:

„Гремела на заре его в России лира!“

Он был поэт; но, к сожалению, мало был просвещён, поздно стал изучаться языку своему и совсем не был философ. Нравственность его не соответствовала пиитическому достоинству, а *Буало* говорит:

„Душевной подлости не скроет гордый стих“».

Такого мнения о сущности и значении лирики граф Хвостов держался всю свою жизнь и старался подкрепить его своими лирическими произведениями.

В 1804 г. граф Хвостов, вместе с графом Григорием Сергеевичем *Салтыковым* (1777—1814) и *П. И. Голенищевым-Кутузовым* начал издавать в Москве журнал «*Друг просвещения*», где все трое стали помещать свои стихи. Каждый из трёх издателей всегда восхвалял наперёд стихи своих товарищей, и притом самые плохие, в надежде, что собственные стихи его покажутся лучше, если рядом прочтут ещё худшие. На этот журнал тотчас же явилась эпиграмма:

«Картузов (то есть *Кутузов*) другом просвещенья
В листках провозгласил себя:
О времена! О превращенья! —
Вот каковы в наш век друзья!»

Заглавие журнала плохо оправдывалось его содержанием. Он издавался крайне неопрятно, был наполнен опечатками и имел только 62 подписчика, в числе которых было немало и таких, которые получали его даром. Для историка литературы «Друг просвещения» важен по сотрудничеству в нём митрополита *Евгения* (Болховитинова), который печатал там свой словарь русских писателей (от А до К); из других сотрудников укажем на княгиню *Дашкову*, поместившую там две-три статьи и доставившую митрополиту Евгению свою автобиографию. В стихотворном отделе, кроме самих издателей, участвовали: известный сатирик князь *Д. П. Горчаков* (р. 1756 г., † 1824 г.), родственник графа Хвостова, впоследствии член «Беседы любителей русского слова», и *Державин*, который, по просьбе графа Хвостова, прислал ему несколько пьес. В 1806 г. журнал прекратился «по причине обстоятельств», как сказано было в заявлении издателей, а в следующем году граф Хвостов переехал в Петербург. Здесь, у *Державина* и *Шишкова*, собирались иногда писатели для чтения своих сочинений. В конце 1810 г. явилась мысль сделать эти собрания правильными и публичными, устроить, как тогда говорили, *лицей* или *атеней*. Составлен был проект устава, и в ожидании высочайшего утверждения шли приготовления к открытию заседаний. Граф Хвостов подробно описал все эти проекты и рассуждения. По словам его, «главные черты лица суть четыре разряда, в коих 16 членов. Председатели разрядов: *Державин*, сенатор *Захаров* († 1816), *А. С. Хвостов* и *Шишков*. Цель сего заявления — чтобы приохотить публику, а особливо дам, к русской словесности и языку. Публичное чтение будет ежемесячно. Все разряды по очереди готовят сие чтение, потом назначается общее собрание, которое, утверждая статьи для чтения, объявляет о публичном лицее с приглашением гостей по билетам. Сверх 16-ти членов, называемых должностными, назначается ещё 16-ть членов при них, называемых сотрудниками, кои на убылые места поступают в действительные члены. Ещё будут почётные члены лица. В лицее будет издаваться два журнала — один собственно о языке, а другой о словесности».

«2-го декабря было собрание предполагаемого лица в доме *Г. Р. Державина*. Определено быть в каждом разряде по 6 членов, кои суть: *Державин*, граф *Хвостов*, Иван Матвеевич *Муравьёв*, *Лабзин*, *Ф. П. Львов*, *Д. Баранов*; *Захаров*, *Политковский*, *Карабанов*, *Дружинин*, *П. Ю. Львов*, *А. А. Писарев*; *Шишков*, *Оленин*, князь *Д. П. Горчаков*, князь *С. А. Шихматов*, *Крылов*, *Кикин*; *А. С. Хвостов*, князь *Голицын*, князь *Шаховской*, *Филатов*, *Соколов*, *Марин*. Некоторые предлагали назвать собрание *Афинеем*; князь *Горчаков* сказал, что Атеней — хорошо, но не надобно выговаривать Афиней, ибо скажут — *ахинея!*»

Наконец, по настоянию Шишкова, не любившего иностранных слов, решено было назвать новое общество «*Беседою любителей русского слова*»; но утверждения всё ещё не было: «сказывали, — замечает граф Хвостов, — что у государя за столом, говоря о новой Беседе, сказано было, что она вместо слова билет намерена употреблять *звальце*. Сие произвело всеобщий хохот, и Беседа остаётся без утверждения». Утверждение последовало в марте 1811 г., а 14-го числа происходило первое публичное чтение в Беседе, которое, по словам графа Хвостова, «всем полюблилось и попало в моду». С тех пор граф Хвостов сделался одним из усерднейших членов этого «литерерного собрания» или «обители Невских муз и коренного слова», как называет он «Беседу». Он не пропускал ни одного заседания и подробно записывал в своих тетрадях всё, что там происходило, прибавляя свои замечания о читанных в собраниях статьях,¹ например: «1811 г. апреля 22-го числа читаны были:

1. Трактат *Державина* о лирической поэзии — никуда не годится.

2. Ода „Истина“, его же, — мистическая и так же плоха, как и трактат.

3. Первая сатира Горациева, с маленьким предисловием о его философии, перевод в прозе г. *Муравьёва* — очень хорош, только жаль, что в прозе, ибо так можно перевести каждому ученику.

4. „Письмо о критике“, графа *Хвостова*.

5. Две идиллии *Ф. П. Львова* — без вымысла, огня и чувств, только очень шеголеват, например, теплицы он называет *стеклянными латами цветов*, и прочее».

«8-го декабря, на посмеяние здравого рассудка и вкуса было чтение в „Беседе“ г. *Захарова*, в коем не было метров и цесур, и, наконец, — подлое и вялое стихотворение *Карабанова*. В заключение — басни (по обычаю) *Крылова*, о коих говорить нечего: право, хороши» и тому подобное.

Вскоре, однако, у графа Хвостова начались неприятности с членами «Беседы», особенно с *Державиным*, которого наш поэт недолюбливал за не совсем лестные отзывы о его произведениях. Графу Хвостову, конечно, известны были эпиграммы Державина: «*На Скриплева*» и «*На Самохвалова*»;² в 1803 г., когда епископ *Евгений* (Болховитинов) жил в Новгороде, граф Хвостов заехал к нему и, не застав его дома, начал перелистывать лежавшую на столе рукопись «Ключа к стихотворениям Державина», причём наткнулся на замечание, не особенно лестное для своего авторского самолюбия; он тотчас же написал на полях: «Гаврила Романович, кажется, ошибается, полагая, что названный им поэт неспособен к лирическому роду», и в доказательство тут же исчислил некоторые свои оды.³ Державин советовал графу Хвостову «не торопиться писать скоро стихов, а паче не предавать скоро в печать»; «что прибыли, — говорит он в одном из своих немногих писем к неутомимому стихотворцу, — что прибыли отдавать себя без строгой осмотрительности суду критиков? Вы знаете, что не количество, а качество парнасских произведений венчает авторов». В то же время Державин писал *Дмитриеву*: «Относительно стихов Д. И. и прочих господ, коими они спешат наводнять их журналы, я ничего другого сказать не могу, как предать их воле Божией, ибо публика равнодушно их терпит». Оскорблённое самолюбие, а отчасти и зависть, нашли себе выражение в многочисленных заметках графа Хвостова о произведениях Державина. Например, вот что говорит он по поводу известного рассуждения Державина о лирической поэзии:

«Сочинение сие так огромно по наружности, что надобно быть хорошему горлу, чтобы прочитать в три битых часа, а по существу так мелко, что не займёт разум и душу ни на одну минуту. Оно есть слепок несообразный из разных учебных книг, а большею частью из немецких эстетик, и не представляет в себе ни духа, ни мыслей; словом, сочинение голое, без красок, без толка, наполненное примерами, по большей части, неудачными и такое, которое может составить всякий школьник».

В той же тетради находится следующая заметка: «Сказывали мне, что Д. все предполагавшиеся к чтению в 3-м разряде статьи отворачивает по недостатку изящества, а сообщает повествование Терамена из трагедии *Расиновой* о кончине Ипполита, им переведённое. О, невежественное самолюбие!»

¹ Сочинения, читанные в этом обществе, составили особое издание: «Чтение в Беседе любителей русского слова» (19 книжек, 1811—1815 гг.).

² Сочинения Державина, 2-е академическое издание, III, 392, 406 и следующая.

³ Там же, 307—308.

При разных мелких недоразумениях, большею частью из-за стихов графа Хвостова, которых Державин иногда не допускал до публичного чтения, легко мог явиться повод к настоящей ссоре. Дело было так: Дмитрий Иванович написал «Послание к Стамбулову», в котором явно метил на своего двоюродного брата и члена «Беседы», Александра Семёновича Хвостова, бывшего одно время при посольстве в Константинополе. На просьбу прочитать в «Беседе» это послание Державин отвечал автору (3-го января 1813 г.):

с. 95

«Предлагал я вчерась собранию *Послание* ваше к *Стамбулову*, но, к сожалению моему, примечена тут личность нащёт члена, который тут же присутствовал; то это весьма неприятно. А для того и возвращаю оное к вам обратно, прося покорнейше уволить меня и впредь от таких сочинений, где чья-либо уязвляется честь... Бог с вами, ссорьтесь как хотите, только меня в ссоры ваши не вмешивайте. Верьте, что очень прискорбно мне видеть не токмо письменные колкости друг другу, но и тайные насмешки и переговоры между сочинителями, которых у нас ещё так мало. Моё правило: сказать правду в глаза что хорошо или дурно по моему разумению; а заочно пересмежать и научать против ближнего какие-либо писать сатиры или критики несправедливые право не могу и не терплю, тем больше, что сам никогда на это не поущусь. Я желаю от искреннего сердца, чтоб с новым годом водворился между нашими авторами мир и согласие, о чём и вас покорнейше прося, пребываю и прочее. *Гавриил Державин*».

Граф Хвостов, обидевшись этим письмом, поссорился с *Державиным*, говоря, что *Державин* называет его пасквилянтом. Державин написал ему второе письмо следующего содержания:

«Я пасквилем сочинения вашего не называл и в том на письмо моё к вам ссылаюся. Что же касается до *Стамбулина* и до сочинения эпиграмм, то известно кто был в Стамбуле и кто сочиняет эпиграммы; а потому и очевидно на кого вы метили. Я и прежде это видел; но дабы вас не огорчить, не хотел вам отказать в прочтении оногo в „Беседе“, думая, что моё заключение несправедливо. Когда же это всем в глаза бросилось, то, признаюсь, что не могу себе позволить кого-либо обижать с намерением (sic). Извините меня в том, граф, да и вы, кажется мне, напрасно обиделись моею искренностью. *Печать* же (!) или не *печать* (!) в том воля ваша, лишь бы я к тому был незамешен (sic). Вашего сиятельства и прочее. *Гавриил Державин*».

Ссора эта продолжалась года два; потом Хвостов помирился с *Державиным* и записал в одну из своих тетрадей следующий рассказ об этом случае:

«*Державин*, по хитрому наущению других и по семидесятилетней ветрености своей, почёл послание моё к *Стамбулову* сатирою на *А. С. Хвостова* и отпотчивал меня оскорбительным письмом. Я не ездил к нему два года; но кто может сердиться на *Державина*? У сего знаменитого современника часто погрешала голова, а не сердце. *А. С. Хвостов*, тот самый, за которого он при чтении *Стамбулова* так горячо вступился, выпустил на него в рукописи весьма обидное сатирическое сочинение под именем „Весна в 1801 году“. *Державин*, не разобрав, который Хвостов то был, во дворце сильно на меня напал, хотя я сатирическо-пасквильными произведениями всегда гнушался, а особливо безыменными. Что же я сделал? Убедя неосмотрительного поэта, что не я был сочинителем *творения тьмы*, простил *Державина* в его ошибке, и мы помирились».

с. 96

Но граф Хвостов и после смерти *Державина* долго ещё не мог простить ему его славы и его нелестных отзывов о Хвостове-лирике; когда в 1829 г. *Городчанинов* сообщил нашему поэту, что казанское общество задумало поставить *Державину* памятник, граф Хвостов отметил на этом письме: «Сей памятник, как видно, сооружается, только не знаю, по недостатку в логике и по небрежности слога будет ли памятник памятен».

В «Биографии» говорится, что граф Хвостов «*Сумарокова* и *Державина* разумел стихотворцами, только не образцовыми, по недостатку в них вкуса, а в последнем — по недостатку знания в языке и большим ошибкам против правильности языка. Державин не умел ни в молодости, ни под старость писать по-русски».

Александр Семёнович Хвостов,¹ из-за которого произошла эта ссора, двоюродный брат графа Дмитрия Ивановича, был в короткой приязни с *Державиным* и *Шишковым* и славился

¹Родился 13-го ноября 1873 г., учился в академической гимназии, в 1772 г. поступил на службу в коллегии иностранных дел, потом, при генерал-прокуроре князе Вяземском, был секретарём в сенате; в 1779 г. перешёл в военную службу подполковником; в 1791 г. был поверенным в делах в Константинополе; впоследствии был директором государственного заёмного банка; умер 14-го июня 1820 г.

своими остроумными эпиграммами, которые нередко касались графа Хвостова и его стихов. Обиженный поэт мстил ему по-своему — нескладными эпиграммами, которые старательно вносил в свои записные тетради. Вот несколько таких замечаний:

с. 97 «А. С. Хвостов на меня, как сказывают, негде (sic), между прочим, поместил:

„А граф — сказать ли без укор?
Танцует как Вольтер, а пишет как Дюпор!“¹

Я ту же минуту, вспомня о похищении его у *Шуазель-Гуфье* денег, к сему Екатериною II посланных, за что ему и худо было, сказал:

„Конечно, граф Хвостов в дарах Хвостова ниже;
Об этом ведают в Царьграде и Париже:
Известный в наши дни посольством при дворах,
Любитель Греции, защитник Периандра,
Писатель *Шуазель* Хвостова Александра
Европе показал в разительных чертах“».

Чрез несколько страниц граф Хвостов замечает:

«Хвостов говорит, что эпиграмма „Танцует как Вольтер, а пишет как Дюпор“, — не его, а *Княжнина*. Бог их души ведает».

«Я сочинил оду на освящение Казанския церкви (1812 г.). *Амвросий* митрополит (*Подобедов*) сказал князю *Голицыну*, что прочитав прежде мою оду, не говорил сам проповеди, затем, что нового нечего было сказать. Сказывают, впрочем, что А. С. Хвостов, хваля сию оду мою, следующее сделал двестише:

„О, храма нового неизреченно чудо!
Хвостов стихи скропал — и, говорят, не худо!“

Вот ответ:

„Я верю чудесам
То верно, граф Хвостов воспел Казанский храм;
Другой Хвостов, хоть гром небесный грянет,
От чуда не воспрянет:
Он сердцем и умом,
Рукой и языком
Грешить не перестанет“».

Александр Семёнович не оставался в долгу у графа и скоро ответил ему экспромтом, подписав на одной из новых его од:

«Когда сии стихи покажутся в столицу,
То первые пойдут обёртывать корицу».

с. 98 Другие члены «Беседы», напротив, писали графу Хвостову похвальные письма, ни по форме, ни по содержанию нисколько не уступавшие наименее слабым из его произведений. Вот, например, отрывок из очень длинного послания А. Д. Боровкова (1788—1856 гг.), которое трудно принять за насмешку над стихотворцем уже и потому, что автор — член «Беседы» — был в близком отношении с графом Хвостовым.

«Тонкий твой очистил вкус
Для тебя стези Парнасские,
Мхом заросши и утёсистой;
Музы праведны, разборчивы,
В сонм пиитов знаменитейших
Поместили там давно тебя,

¹Знаменитый в своё время танцор. См. Воспоминания Вигеля («Русский вестник» 1864 г., август, стр. 452).

Все открывши свои таинства.
 Твои оды философские,
 Услаждая разум-сердце вдруг,
 Всех склоняют к восхищению;
 Твоей нежностью влечёшь ты всех
 К берегам Кубры серебристая
 Предаваться меланхолии...

 Ты возносишься, как быстр орёл,
 Рассекая воздух крыльями,
 Прославляешь дела славные
 Громче барда вдохновенного.
 Иногда ж уроки нравственны
 Стихам лёгким, вразумительным
 Подаёшь нам в острых басенках;
 Иногда же, звуки лирные
 Согласуя с Боало-Депрё,
 Научаешь ты соотчицей
 Основаниям словесности,
 Вкусу тонкому, изящному
 И пути им открываешь тем
 К Геликону неприступному», и прочее.

В 1813 г. *Шишков* назначен был президентом Российской академии, и вслед за тем многие из «беседистов» сделались академиками. В это время известный спор о старом и новом слоге достиг крайних пределов, и «беседисты» заодно с академиками не скупилась на обвинения своих противников в порче языка и нравов. Граф Хвостов, постоянно ратовавший за чистоту и правильность слога, однако, не принимал активного участия в этом споре, хотя, как защитник старого направления вообще, должен был стоять на стороне «любословов» Беседы и Академии. Он оставил несколько заметок об этом вопросе и в одной из них говорит, между прочим, следующее:

с. 99

«Сей Парнасской вражде я оставался чужд. Начальники сего: стихотворческого (?) прения были *Шишков* и *Карамзин* — и оба, как я думаю, правы. Всё дело испортили ревностные их подражатели и раторборцы, а особливо со стороны *Карамзина*: *В. Л. Пушкин*, *А. Е. Измайлов*, *Д. В. Дашков* — нескромными и колкими насмешками, а другие — как то: московский *Измайлов*,¹ князь *Шаликов* и подобные до бесчисленности — неискусным подражанием приятному слогу сочинителя „Марфы посадницы“. *Зараза* распространилась даже до безмолвных обитателей, где святые отцы гласили о сентиментальности и о милой... Ничего писать нельзя достойного печати и потомства, не изучая прежде, как толкует *Шишков*, книжному языку, который находится у нас в Священном Писании. Язык *Ломоносова* в самых одах его есть удобопонятный, и именно оттого, что основал он язык свой на знании языка церковного. Последователи *Карамзина* хотят быть сочинителями, не учася ничему, и почитают за большую премудрость отвержение слов славянских единственно оттого, что не вникают в силу их и не умеют к стати употреблять. По моему мнению, смешно быть князем *Шихматовым*² и жалко — князем *Шаликовым*: первый будет надут, а второй, не читая псалтыри, скуден не только в выражениях, но даже в мыслях и оборотах».

В другом месте он выражается откровеннее: «Желаю убедить питомцев муз, что неистовые ополчения на *А. С. Шишкова*, знаменитого благодетеля русской словесности, на меня и на других почтенных по авторству собраний не иное что в виду имели, как цель безначалия, препятствующую рассматривать и видеть достоинство в тех людях, кои не могли по талантам, по совести, по рассудку и опытам быть их соучастниками... Зачем напоминать

¹Владимир Васильевич (р. 1773 г., † 1830 г.), издатель журналов: «Патриот» (1804), «Вестник Европы» (1814) и «Российский музеум» (1815), автор сентиментального «Путешествия в полуденную Россию» (1800—1802). (П. М.)

²Сергей Александрович (р. 1783 г., † 1837 г.), автор сочинений: «Ночь на гробах» (СПб., 1812) и «Ночь на размышления» (СПб., 1814), член «Беседы», стихотворец и верный сторонник Шишкова. (П. М.)

об эпиграммах, которые с торжествующим удовольствием отступники порядка и в самой словесности рассыпали?»

с. 100

В «Биографии» то же мнение подкрепляется ссылкой на сочинения графа, «ибо в разных родах, лирическом, басенном и учебном — везде виден один, так сказать, почерк, то есть точность, правильность мыслей и слов. Он среди молвы и жарких споров на Парнасе, и, может быть, вражды на себя от непросвещённых защитников модного красноречия, умел сохранить дружбу и уважение знаменитых своих современников: *Державина, Шишкова, Карамзина, М. Н. Муравьёва, Ив. Ив. Дмитриева* и других, что доказывает огромная переписка его со всеми сими особами, коих письма у него хранились».

К *Карамзину* граф Хвостов относился, как видно, не особенно дружелюбно, что объясняется, между прочим, близкими отношениями нашего поэта к заклятому врагу историографа, *П. И. Голенищеву-Кутузову*; тем не менее, он считал нужным постоянно посылать ему свои произведения, о которых *Карамзин* ещё в 1791 г. писал *Дмитриеву*: «То-то поэзия! то-то вкус! то-то язык — Боже! умилось над нами!»¹ В 1811 г., по поводу одной стихотворной присылки, граф Хвостов получил от *Карамзина* такую записку:

«Искренно благодарю ваше сиятельство за обязательное письмо и за доставление мне оды достойного произведения вашей музыки. С особенным удовольствием замечаю прекрасные стихи: три последние во второй строке, два первые в пятой, седьмой, восьмой и девятый в шестой, шесть последних в седьмой, два последние в восьмой и средние в девятой. Вот как надобно писать нашим стихотворцам: учите их».

Дмитриев укорял *Карамзина* за это письмо, говоря, что Хвостов будет всем его показывать и им хвастаться; что оно будет принято одними за чистую правду, другими — за лесть; что и то, и другое не хорошо. «А как же ты пишешь?» — спросил *Карамзин*. — «Я пишу очень просто. Он пришлёт ко мне оду или басню, я отвечаю ему: „ваша ода или басня ни в чём не уступает старшим сёстрам своим!“ Он и доволен, а между тем это правда».² Граф Хвостов действительно поступил с письмом *Карамзина* так, как предсказал *Дмитриев*, то есть стал везде его показывать, приписав к нему следующее замечание: «Безумен бы я был, когда бы дерзнул при жизни выдать сие письмо в печать, но не менее чувствую лестнейший отзыв о моей поэзии знаменитого историографа. Он советует юным поэтам у меня учиться, а, вместо того, они меня переучить хотели и поныне хотят».

с. 101

Письма *Дмитриева* все очень коротки и написаны по приведённому выше рецепту, например:

«*Москва, 4-го августа 1812 г.* Спешу принести чувствительнейшую мою благодарность вашему сиятельству за присланные мне стихотворения, из которых оду вашу я успел уже прочесть с необыкновенным удовольствием, какое всегда мне приносят произведения вашей музыки».

«*Москва, 31-го августа 1815 г.* Напрасно вы по скромности вашей не доверяете вашему гению. Новейшее произведение вашей музыки во всех отношениях не уступает прежним».

«*Москва, 7-го апреля 1827 г.* Спешу изъявить вашему сиятельству чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и подарок шестым томом ваших новых и старых стихотворений, которого цену *чувствую в полной мере*».

Все подобные изъявления благодарности граф Хвостов принимал за чистую монету, усердно награждал *Дмитриева* своими стихами и гордился своею продолжительною дружбою с ним, несмотря на то, что ему известна была эпиграмма на перевод *Буало*, помещённая в «Учебной книге» *Греча* с полною подписью *Дмитриева*:

«Ты ль это, Буало? какой смешной наряд!
Тебя узнать нельзя: совсем переменялся!»
— «Молчи! нарочно я Графовым наряжился:
Сбираюсь в маскарад».

Дмитриеву же, вообще не упускавшему случая за глаза уязвить кого бы то ни было, принадлежит следующая эпиграмма, едва ли не самая злая из всех, обижавших злополучного поэта:

¹Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 19.

²Там же, стр. 65.

«Пегас под тяжестью лирических стихов
С насаду — и выскочил Хвостов».

Рассылая свои произведения своим знакомым, граф Хвостов требовал от них самой строгой критики; но так как критиковать их было очень затруднительно, то этим занимались только панегиристы нашего поэта, посылавшие ему хвалебные разборы и восторженные похвалы; другие же всегда находили какой-нибудь благовидный предлог к отказу от критики. Например, в 1811 г. *Каченовский* отвечал на подобное требование так:

«Вы изволите требовать, чтобы я сделал свои замечания на *Андромаху*. К чему они послужили бы? Я перед вами ученик, которого мнения не должны и не могут иметь никакой важности. Самую справедливую похвалу мою сочтут за ласкательство; а показание погрешностей (если бы предположить, что они находятся в *Андромаше*) вменят мне в дерзость».

с. 102

Подобные же благовидные предлоги отыскивались издателями журналов, чтобы не печатать присылаемых графом Хвостовым стихов, которые, несмотря на все его старания, редко появлялись где-нибудь кроме «Дамского журнала» князя *Шаликова* и «Северной Минервы» *Ветринского*, находившего в них «счастливое сочетание религии, философии и поэзии». В числе писем *Каченовского* есть одно, показывающее, каким путём наш поэт иногда добивался того, что стихи его печатались в наиболее распространённых журналах: «Надеюсь (пишет *Каченовский*), что ваше сиятельство позволите мне просить вас об одном деле. Ежели заблагорассудите удостоивать меня присылкою ваших сочинений, то покорнейше прошу доставлять их прямо ко мне. Употребляемое вами посредство начальника моего и благодетеля, Павла Ивановича,¹ очень много затрудняет меня и ставит в положении весьма неприятном. Просьбы его превосходительства о немедленном напечатании стихов в журнале имеют всю силу приказаний, коим я, как подчинённый по службе, должен повиноваться; между тем как издание „Вестника Европы“ есть такое дело, которым я занимаюсь по доброй моей воле и с которым совместны одни только литературные отношения, а не какие-либо другие. Я заключил с типографиею письменный договор и одному себе предоставил распоряжение касательно прозы и стихов, о помещении коих советуюсь с моими сотрудниками, людьми для меня необходимыми по изданию журнала. Сверх того, будучи занят службою и нужнейшими по моему профессорскому званию упражнениями (не говорю уже о продолжительной болезни, которая отнимает у меня много времени), я не могу исполнять срочных требований, возлагаемых на меня нашими литераторами».

Другой издатель «Вестника Европы», *Вл. Измайлов* (1814), также умел отделяться от притязательного поэта. Например, вот что писал он однажды графу Хвостову:

«В рассуждении вашей рукописной пиесы „Дар“ я не могу, к великому моему сожалению, поместить её в „Вестнике“, ибо она не входит в план моего журнала по некоторым уважениям, о которых долго было бы говорить в письме. Надеюсь, что при личном свидании и объяснении вы оправдаете и сами мои побуждения».

с. 103

Об *Измайлове* «петербургском» (Александре Ефимовиче), которого граф Хвостов побаивался и старался задобрить, в одной из его записных тетрадей есть такая заметка: «Сей *Измайлов* на меня писал многие пасквили и сочинил на моё лицо басню „Чёрт и Поэт“, которая у него из лучших. Я всегда отвечал ему молчанием и радушным доброжелательством».

В журнале «Благонамеренный», издателем которого был *А. Е. Измайлов*, нередко являлись эпиграммы на бездарных стихотворцев и полу-серьёзные, полу-комические рецензии на сочинения графа Хвостова, который иногда решался опровергать эти рецензии в частных письмах к *Измайлову*. В публичных заседаниях разных литературных обществ, *Измайлов*, иногда в присутствии *Хвостова*, брался читать его стихи, и читал их так карикатурно, что публика покатывалась со смеху, а автор выходил из себя, но, не решаясь высказать прямо свою досаду, вверял её своей записной тетради, в которой осталось несколько заметок о «пересмешливом буяне». Вот одна из таких заметок:

«*Измайлов*, сочинитель чего? — не знаю, пустился на пасквили на *Шишкова*, *Захарова*, многих других и на меня. Между прочим, *Анастасевича* за похвалу мне называет подлым. *Анастасевич* отделался остро:

¹ Голенищева-Кутузова, попечителя московского университета и округа.

„Достоинства люблю,
 Так нет диковинки, что их хвалю;
 За что же пасквилянт меня ругает
 И подлым называет?
 У пасквилянта вы спросите самого:
 Хвалил ли я его?“¹

с. 104

Измайлов был председателем «СПб. общества любителей словесности, наук и художеств» и в 1812 г. предложил избрать графа Хвостова в почётные члены этого общества. Когда, извещённый об этом избрании, поэт явился в собрание общества (14-го марта), тогда один из молодых его членов, *Дмитрий Васильевич Дашков*, талантливый противник *Шишкова* в споре о слоге и впоследствии член «Арзамаса», приветствовал графа Хвостова торжественно-комической речью, в которой слогом «Беседы» иронически превозносил его творения. Речь эта разошлась по рукам во множестве списков и была уже напечатана вполне (в «Чтениях в Обществе истории и древностей», 1861, книга IV). Вот главные места из неё:

«Любезные сочлены! Нынешний день пребудет всегда незабвенным в летописях нашего общества. Ныне в первый раз восседает с нами краса и честь российского Парнаса, счастливый любимец Аонид и Феба, гений, единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных произведений. Тщетно мрачные облака сокрывали на время сияние солнца: оно расторгнуло их и снова озарило землю. Так и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полёт почтеннейшего сочлена нашего, графа *Д. И. Хвостова*. Труды его необъятны: единый взор на них утомляет память и воображение; а знамения побед его изумляют нас, поражают. Он вознёсся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина... Хранилища всех российских книгопродавцев, исполненные его творениями, служат прочнейшим основанием его славы».

Далее следует характеристика сочинений графа Хвостова, конечно, в таких же двусмысленных, высокопарных выражениях, причём *Дашков* предлагает своим сочленам заняться подробным разбором и комментированием сочинений этого великого поэта и таким образом воздвигнуть ему достойный литературный памятник. Сам он берёт на себя часть драматическую и тотчас же разбирает несколько стихов из *Андромахи* и так заключает свою речь:

«Таким образом, занимаясь каждое заседание разбором нескольких страниц из *Андромахи*, мы откроем, может быть, глаза многим из соотечественников наших, которые имеют ещё слабость предпочитать Расина русскому переводчику, потому только, что первый писал по-французски».

Рассказ об этом происшествии занесён графом *Хвостовым* в одну из его записных тетрадей, а оттуда попал и в «Биографию». Оскорблённый стихотворец передаёт это дело так:

с. 105

«*Дмитрий Васильевич Дашков*, известный антагонист *Шишкова* (в „*Биографии*“: „один молодой человек, Сеид новословия и ревностный наперсник оракулов оного“), знакомый мне по дому *Ив. Ив. Дмитриева* и служащий в том же департаменте экзекутором, где я сенатором,² кроме вежливости и ласки от меня ничего не видал; приносит мне от г. *Измайлова*, писавшего на меня прежде пасквили, которых я не читывал, официальное, как от президента, письмо, что я избран в почётные члены общества любителей словесности. Я приезжаю в собрание, после которого, думая меня рассердить или считая, что я похвалу его приму за наличные деньги, *Дашков* стал заикаться и читать, что я великий человек, что я потоптал Горация и Лафонтена; я после чтения улыбнулся и сказал, что сии похвалы мне не принадлежат; потом, приглася к себе г. *Дашкова*, помыл ему в прозе голову. Вот чем кончилась с моей стороны непростительная шутка г. *Дашкова*. Но общество иначе на сие посмотрело и выключило *Дашкова* за дерзкий его поступок».

¹Эта эпиграмма сочинена самим графом Хвостовым, как ясно видно из поправок и переделок в стихах. (П. М.)

²Д. В. Дашков родился в 1784 г., воспитывался в московском университетском пансионе, служил в архиве министерства иностранных дел, в министерстве юстиции, в сенате, состоял при нашей миссии в Константинополе (1818—1820 гг.). В 1826 г. назначен статс-секретарём, в 1832 г. — министром юстиции, в 1839 г. — членом государственного совета и председателем департамента законов. Скончался в Петербурге, 26-го ноября 1839 г.

V.

В противоположность «Беседе» и академии, где приютились отживающие свой век представители литературной старины, в 1815 году молодые писатели пушкинского кружка основали своё «учёное общество „Арзамас“». Безвкусие и педантизм «Беседы» и академии доставляли «арзамасцам» неистощимый материал для насмешек, шуток и эпиграмм: «Беседу» величали «Словесницею», беседистов и академиков — *халдеями*; каждый из новых членов «Арзамаса» должен был, вместо вступительной речи, прославить кого-нибудь из *халдеев*; сохранилось известие, что *Жуковский* в своей вступительной речи «восхвалил» графа Хвостова; но, к сожалению, эта речь до сих пор не напечатана и неизвестно даже, сохранилась ли она где-нибудь. Басни Хвостова, по словам князя *Вяземского*,¹ были в «Арзамасе» настольною и потешною книгою; *Жуковский*, вообще отличавшийся умением отыскивать такого рода сочинения и составлять на них смехотворные пародии, всегда держал эти басни при себе и нередко черпал в них свои «арзамасские» вдохновения. Сохранилось несколько забавных пародий на эти басни, сочинённых в «Арзамасе»; они составлены большею частью из стихов самого же графа Хвостова. Там же сочинена была следующая надпись к его портрету:

«Се Росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он,
Ввыспрь быстро, как птиц царь, нёс звук на Геликон;
Се лик од, притч творца, муз читателя Хвостова,
Кой поле испестрил Российска красна слова».

В одном из стихотворений *Жуковского* читаем:

«Наш поэт Пестов,
Неутомимый ткач стихов
И Аполлонов жрец упрямый
... ..
... .. о рифмах рассуждал,
Свои творенья величал,
Лишь древних сравнивал с собою...»²

Он же, описывая муки Парнасского ада в послании своём к *Воейкову* (1814 г.), представляет графа Хвостова в виде древнего Тантала:

«...Вот Хвостов
Меж огромными ушами,
Как Тантал среди плодов
С непрочтёнными стихами.
Хочет их читать ушам,
Но — лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать простор стихам, —
Уши разом все свернутся!»³

¹«Русский архив» 1866 г., стр. 473.

²Сочинения Жуковского, издание 1869 г., том IV, стр. 483: «Плач над Пиндаром».

³Современник 1856 г., том 60, отделение V, стр. 50.

Другие члены «Арзамаса» также писали забавные эпиграммы на графа Хвостова или сочиняли пародии на его стихи. *Батюшков* воспел его вместе с прочими членами «Беседы» в следующих стихах:

с. 398

«Хвала, читателей тиран,
Хвостов неутомимый!
Стихи твои, как барабан,
Для уха нестерпимы.
Летает он и там и сям,
Повсюду волком рыщет,
Пускает притчей в тыл врагам,
Стихами в уши свищет.
Он за поэму — прочь идут;
За оду — засыпают;
Лишь за посланье — все бегут
И уши затыкают!»¹

Ещё раньше, в 1813 году, *Батюшков* предсказал литературную судьбу графа Хвостова, сказав о нём в письме к *Н. Ф. Грамматину*, что он «пишет 40 лет и не знает грамоты, пишет беспрестанно, и своим бесславием славен будет в позднейшем потомстве».² В разных стихотворениях *Пушкина* наш писатель является под именами *Свистова*, *Хлыстова*, *Визгова* и прочих. В послании «Моему Аристарху» (1816 г.) *Пушкин* говорит о нём:

«Конюший дряхлого Пегаса,
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель старенький Парнаса,
Родитель стареньких стихов
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных».

В стихотворении «Христос воскрес» (1816 г.) встречается, между прочим, следующее пожелание:

«Да не воскреснут от забвенья
.
И Николев, поэт покойный,
И непокойный граф Хвостов».

Наконец, *Пушкину* же приписывается «Ода его сиятельству графу Д. И. Хвостову», написанная, вероятно, около 1824 г. и снабжённая многословными примечаниями, пародирующими примечания Хвостова к собственным своим произведениям. Ода эта состоит из четырёх строф и начинается так:

«Султан ярится. Кровь Эллады
И резво скачет, и кипит.
Открылись грекам древни клады,
Трепещет в Стиксе лютый Питт...»

с. 399

В Грецию явился *Байрон*; но «недуг быстропарный» свёл его в могилу; потому *Пушкин* зовёт Хвостова занять место Байрона:

«Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явне сходство есть —
Никак! Ты с верною супругой
Под бременем судьбы упругой
Живёшь в любви — и, наконец,
Глубок он, — но единообразен!
А ты глубок, игрив и разен —
И в шалостях ты впрямь певец».

¹«Певец в Беседе Славенороссов».

²Библиографические записки, II (1859 г.), 322.

Из прочих членов «Арзамаса» всего более потешался над Хвостовым А. Ф. Воейков. Известный куплет в «Доме сумасшедших»:

«„Ты ль, Хвостов? к нему вошедши,
Я вскричал: тебе ль здесь быть?
Ты дурак — не сумасшедший,
Не с чего тебе сходить!“
„В Буало я смысл убавил,
Лафонтена я убил
И Расина обесславил!“
Быстро он проговорил».¹

был только началом самого беспощадного глумления над бедным стихотворцем. Позже Воейков прибавил к своему «Сумасшедшему дому» «Женское отделение», где не пощадил и жены графа Дмитрия Ивановича, ни в чём неповинной. В своём «Парнасском календаре»² он поместил Хвостова с таким определением: «обер-дубина Феба в ранге провинциального секретаря. Обучает иппокренских лягушек квакать и барахтаться в грязи». Несмотря на это, Воейков, вообще отличавшийся бесцеремонностью, с которою он переходил из одной партии в другую и принимался бранить то, чем накануне восхищался, нисколько не затрудняясь, обращался к графу Хвостову с разного рода просьбами, когда содействие сенатора могло помочь ему выйти из затруднения. Например, в 1820 году, в бытность свою профессором русской словесности в дерптском университете, Воейков имел в сенате тяжёлое дело. Уверенный, что стоит только польстить сенатору-стихотворцу, чтобы заставить его действовать

с. 400

в свою пользу, он обращается к Хвостову с следующим письмом:

«М. г. граф Д. И.! И вашему сиятельству было бы приятнее, и мне полезнее, если б я, как малоопытный поэт, осмелился испрашивать от вас, как от поэта увенчанного, наставлений в стихотворстве или принести мою сердечную благодарность за то наслаждение, которое доставили вы мне посланием к Ломоносову — новым превосходным произведением пера вашего; но Провидению угодно расположить иначе, и я, против воли, должен терзать избалованный сладкогласными стихами слух ваш варварским языком стряпчих и подьячих»...

Изложив ход дела, Воейков заключает письмо так же, как начал его:

«Сиятельнейший граф! Я не требую от вас ни милости, ни снисхождения к ученику вашему в поэзии и к академическому вашему товарищу; но требую строгого, неумышленного правосудия!.. Дайте мне слово, что вы будете присутствовать во время слушания моего дела — и я буду совершенно спокоен. С высоким уважением и глубокою преданностью и прочим. Александр Воейков».

Граф Хвостов, однако, не забывал насмешек Воейкова, и отметил в своём реестре полученных писем: «Письмо о приказном деле, в коем письме, после сочинения своего „Дома сумасшедших“, не стыдится меня называть учителем своим в поэзии. Известно, что мы друг другу ни в учителя, ни в ученики не годимся. Вот для чего я и сохранил сие письмо».

Тем не менее, он ответил Воейкову, что, по своему обыкновению, будет защищать справедливую сторону силою законов. Воейков, благодаря за это обещание, прибавляет:

«Теперь сделавшись смелее, я покорнейше прошу позволить мне иногда писать к вам об отечественной словесности, присылать вам мои опыты стихотворные, требовать ваших советов, спрашивать вашего мнения. Но только ли? В университетской здешней и в моей собственной библиотеке есть все ваши сочинения; не благоугодно ли вам будет дополнить их „Посланием к Ломоносову“ на русском и французском языках? Мы примем сие за самый лестный знак вашего благорасположения».

Граф Хвостов называет это письмо «столь же подлым, как и первое», однако в одном из своих посланий хвалит Воейкова, говоря, что

«Он на кафедре свет, куст розовый в садах,
Противоборцам он в журнале бич и страх».

Вскоре у него завязалась переписка с Воейковым, которого он всё-таки побаивался, как

с. 401

¹ «Русская старина», издание 1874 г., том IX, стр. 590—591.

² Там же, стр. 614.

пересмешника, а потому и старался быть с ним любезнее. Вскоре затем *Воейков* переехал в Петербург и издал многотомное «Собрание образцовых сочинений». Здесь помещено было много плохих стихов, но из сочинений графа Хвостова не было взято ни строчки. Это, конечно, сильно огорчило нашего стихотворца; но опасение насмешек со стороны *Воейкова* заставляло его сдерживаться. Между тем в 1827 г. *Воейков* начал издавать новый журнал «Славянин» и опять обратился к обиженному им поэту за содействием:

«Имею честь препроводить к вашему сиятельству 10 билетов на *Славянина* (так пишет он 14-го февраля 1827 г.): осмелюсь напомнить вам, что в течение семи больших годов это первая моя до вас покорнейшая просьба, и то вынужденная страстью восторжествовать над *немецким пуделем* и *польским псом*¹ и извиняемая вашим предупредительным вызовом.

Вы, с грехом пополам, распространяли пуховый журнал *Дамский*; а мой будет гораздо, гораздо получше; итак, замолвив за него словечко друзьям вашим, любителям отечественного чтения, вы будете только справедливы. А где же, как не у вас, искать справедливости против притеснений иноземцев?»

И граф Хвостов подписывался на новый журнал и рассылал билеты своим высокопоставленным знакомцам; когда же ему хотелось, в вознаграждение за содействие издателю, поместить в журнале свои стихи, тогда он получал от *Воейкова* письма вроде следующего:

«Любезнейший граф Анакреон Тибуллович! Вчерашний день, вечером, у меня был *Жуковский*, *Карлгоф*, *А. С. Пушкин*, князь *П. А. Вяземский*, много военных генералов и отличных писателей, когда принесли мне превосходнейшее стихотворение ваше на русскую одежду придворных дам. Я поспешил разделить с своими гостями небесное наслаждение поэзии. Все были в восторге — и громкие рукоплескания и гул одобрения долго не умолкали. Юношеский жар, пламенная любовь к отечеству и огонь поэзии соединены в сих куплетах. Хвала вам, честь и слава, ура!

с. 402 Дав вашему сиятельству отчёт сей, прибавлю глубочайшее моё прискорбие о том, что сие знаменитое произведение анакреонтического пера вашего не может быть у меня напечатано, поелику все листки на нынешний год уже оттиснуты».

Товарищ *Воейкова* по изданию «Сына Отечества», *Греч*, также не пропускал удобного случая посмеяться над нашим стихотворцем. В «Биографии» подробно говорится об отношениях графа Хвостова к *Гречу*:

«Автор наш, несмотря на чувствительность свою, не мог долгое время питать досады. Он скоро забывал неудовольствия, причиняемые ему другими, а особливо литературные, и всегда готов был, чему есть многие опыты, не только к ласковому обращению, но даже оказывать пособия своим зоилам. Не последним тому примером служит и издатель „Сына Отечества“, который различными способами старался вывести из терпения нашего автора, и всё безуспешно. Клепал, будто бы он (то есть *Хвостов*) румянил и одевал актёра, чтобы сделать его более похожим на издателя „Сына Отечества“, на коего 1818 г. сочинена комедия одним молодым человеком, *Борисом Фёдоровым*, называемая „*Ханжа*“. Граф Хвостов оставался в свойственном ему, по всем отношениям, похвальному равнодушию и молчанию. Журналист сей личности, кои цензура не пропускала, вздумал в убранстве похвалы при письмах своих сообщать автору для убеждения на одобрение гг. цензоров (sic). Сочинитель наш два раза отшучивался, возвращая его гостинцы; наконец письмо с такими же непозволительными затеями он возвратил товарищу его в журнале *А. Ф. Воейкову* с просьбою, чтобы он его именем запретил г. журналисту обременять автора такими грамотками».

Письмо это, однако же, находится в бумагах графа Хвостова, хотя при нём и нет той статьи, которую *Греч* хотел напечатать. Вот оно:

«Перечитывая различные журналы истекающего 1820 года, с удовольствием остановился я на статьях „Невского зрителя“, и вознамерился сказать о сём издании несколько слов в первом номере „Сына Отечества“ на 1821 год; но так как я должен при сём случае упомянуть о вашем сиятельстве, то и считаю долгом испросить на то вашего соизволения. Строгая цензура, щадя скромность авторов, не позволяет журналам называть их по именам. Смею ли затрудить ваше сиятельство покорною просьбою о препровождении прилагаемого при сём листка к цензору, чтоб он знал, что вам эти выражения не противны? Если же вашему сиятельству неудобно сделать сие, то я должен буду отказаться от удовольствия

¹Под этими названиями нужно разуметь Пезаровиуса и Булгарина, с которыми *Воейков* имел большие неприятности из-за «Русского инвалида». (П. М.)

напечатать сии строки и ограничиться одним *желанием* сказать сии слова, внушённые истинным высокопочитанием и совершенною преданностию, с коими и прочее. *Николай Греч*».

Но граф Хвостов, как выше сказано, угадал истину в статье *Греча* и сделал на этом письме следующую отметку:

«Выражения *Греча* были обо мне иронические, надуты-похвальные. Ему хотелось, чтоб я подписал самому себе непомерную похвалу и выше себя поставил *Державина*. Я этого не сделал, отвечал ему резко».

Из этого письма, между прочим, видно, что граф Хвостов иногда прибегал к содействию цензуры, чтобы избавить себя от насмешек. Недаром он аккуратно посылал свои сочинения *Бирукову*, *Красовскому* и другим. О последнем в бумагах нашего стихотворца сохранился интересный анекдот, рисующий тогдашние литературные нравы.

«Статский советник, цензор и кавалер Александр Иванович *Красовский*¹ известен каждому по трусливому своему характеру, по эпиграмме князя *Вяземского* и посланиям, в которых его изобразил Александр *Пушкин*. Я сам, если бы хотел, много мог бы карикатурного о нём прибавить. Он просматривал мой „Родовой Ковш“, „Русские Мореходцы“, „Науку о стихотворстве“ и другие, и, невзирая на уважение его ко мне, почти при каждом стихе мечтал видеть оскорбление веры или престола, или двора. Сей непростительно осмотрительный человек сам недавно чуть-чуть не попал в беду, и, сколько мне кажется, безвинно. Он пропустил „Песнь Новгородцев“, стихотворение *Н. М. Языкова* (смотри „Северную пчелу“ 1825 г., май, № 60). Злоумышление, подстрекаемое злоречием, разгласило, что в этой песне, под именем древних новгородцев, намекается на лица и обстоятельства нынешнего времени. Сего довольно: министр народного просвещения (*Шишков*) и военный генерал-губернатор (*Милорадович*) требовали ответа у цензора. Он славно отделался: вчера, 7-го июля (1825 г.), сам читал мне ответ, поданный им Александру Семёновичу (*Шишкову*), и письмо, по сему же случаю писанное к правителю его собственной канцелярии князю Платону Александровичу *Ширинскому-Шихматову*. Ответ прекрасный, я доволен, что его прочёл и что имею случай хоть несколько оправдать *Красовского*. Ответ сей написан благородно и просто. Онный без желчи, с должным почтением к начальству, обличает оное и без упрёков показывает свою справедливость. *Красовский* доказал выписками из „Истории“ *Карамзина* и других летописателей, также из „Пролога“, что содержание „Песни Новгородцев“ *Языкова* есть историческое, и что точно рать Суздальского великого князя Андрея Боголюбского была ослеплена так, что воины, в мраке ничего не выдавшие, поражали друг друга. В сей-то песне, по мнению злокозненных толкователей, находился намёк на Новгород нынешний и на известного вельможу (*Аракчеева*). *Красовский* выпискою из Канона Богоматери ясно доказал, что в одобренном им стихотворении стихотворец повествует о XII столетии и касается собственно до лица Андрея Боголюбского, следственно, происшествие исторического содержания, всем русским и Европе известное и ежегодно славимое на день Знамения Богоматери, оправдывает совершенно песнопевца и цензора и не может быть растолковано в худую сторону. Второе нападение или вопрос заключается в том, для чего в упоминаемой песне *Языкова* язык не XII столетия, а нынешнего времени? *Красовский* и тут мастерски отделался, сказав, что песнь Игоря (сочинение *Бояна*) была предложена на наш язык многими сочинителями недавно в стихи и прозу, на нынешнее разговорное наречие, объясняя, что первый оной преложитель был министр народного просвещения *А. С. Шишков*, и также в своё время предложена синодальным обер-прокурором графом *Мусиным-Пушкиным*. Я бы на сей вопрос коротко и ясно заключил словами велеречивого *Тредьяковского*, что язык славянский тяжело ныне слышится ушам нашим. И подлинно, в наше время никто не станет читать стихов, написанных языком XII столетия».

Несмотря на неудачи в своих замыслах насчёт графа Хвостова, *Греч* ещё раз попытался одурачить добродушного поэта — и на этот раз план его удался. 29-го сентября 1821 г. он написал графу следующее письмо:

«М. г. граф Д. И. Позвольте мне утрудить ваше сиятельство покорнейшею просьбою, которая состоит в следующем: я составляю „Историю российской литературы“, в которую входят биографии знаменитых наших писателей. Смею ли всепокорнейше просить вас о благосклонном сообщении мне о жизни и трудах ваших для внесения в мою историю,

¹ Подробная биография его помещена в «Русской старине», издание 1874 г., том IX.

с. 405

которая без сего не будет полна и достаточна. Мне желательно было бы иметь сведения о месте и времени вашего рождения и воспитания, обозрение вашей службы отечеству и музам, то есть хронологическое исчисление ваших сочинений. Если ваши занятия не позволят вам уделить досуга на удовлетворение сей моей покорнейшей просьбы, то сделайте одолжение, укажите, по крайней мере, верные источники, из которых бы я мог почерпать. Но я не сомневаюсь в вашем благосклонном снисхождении, и в ожидании исполнения моей докучливой просьбы, остаюсь и прочее. *Н. Греч*.

Р. С. Сия История войдёт в мою учебную книгу российской словесности».

Граф Хвостов, конечно, желая попасть в число «знаменитых писателей», послал *Гречу* автобиографическую записку; но в изданной *Гречем* книге ему пришлось прочесть о себе следующие строки:

«Граф Д. И. начал писать стихи около 1779 года и донныне неусыпно продолжает беседовать с музами во всех родах поэзии. В молодости своей писал он комедии прозой и стихами; но потом поэзия лирическая, дидактическая и переводы французских классических поэтов сделались главными предметами его занятий: трудно решить, в котором роде он превосходнее, нежели в прочих. Полное собрание признанных им сочинений и переводов напечатано в 1818 г. в Петербурге в 4 томах... Многие российские и иностранные общества приняли сего писателя в свои члены; разные его стихотворения переведены на иностранные языки; беспристрастные критики в отечественных и чужеземных журналах превозносили сего певца и предсказывали ему бессмерие».¹

с. 406

Этот отзыв так огорчил нашего поэта, что он до самой своей смерти не мог забыть о тяжкой обиде, нанесённой ему *Гречем*, несмотря на то, что скоро помирился с ним и даже опять стал посылать ему свои стихи, которых тот, разумеется, не печатал. В бумагах графа Хвостова осталось несколько заметок о книге *Греча*; по своему обыкновению граф Хвостов поверял свои тайные мысли бумаге, не решаясь высказывать их вслух, чтобы не подвергнуться ещё более сильным нападкам со стороны «зоилов». Вот, например, собственноручная его «*Выписка из Греча о графе Хвостове: „трудно решить, в каком роде он более успел или превосходит“*». Так говорит г. Греч. Если это эпиграмма, то она в учебной книге и истории о словесности не у места. Если подлинно г. автор затрудняется, то можно помочь его жалкому положению. Может быть, г. *Греч* не осмеливается поместить графа Хвостова в число наших лириков или баснописцев, то безбоязненно может включить его в число дидактиков: он полное имеет на сие право по количеству его посланий, по разнообразию оных, также по плавности мыслей и по чистоте слога. Не мудрено, кажется, решить, что послание его о басне может дать ему непостыдное место на Парнасе, тем более, что о роде басни забыли *по грехам* законодатели вкуса *Гораций* и *Буало*. К сему посланию должно причислить и послание об опере и множество других. Впрочем, граф Хвостов имеет полное право по заслугам своим требовать парнасской грамоты за перевод Буало „Науки Стихотворной“, а потом — в сравнении только с современниками — за перевод Андромахи».

Гораздо позже, в 1828 году, он писал *А. В. Склабовскому*:

«*Греч* выпускает ложную систему, совершенно опровергающую корень языка нашего, и хвалит только тех, кого он любит или кого боится. Уже все иностранцы расчухали его зловерное толкование и презрели его науку. Посмотрите, например, мою биографию; что вы по оной об упоминаемом авторе заключить можете? Иной подумает, что он меня хвалит, а иной — и, кажется, с большею справедливостью — что бранит. Вот и вся книга в таком же пристрастном и неосновательном духе писана».

Другие журналисты того времени обыкновенно молчали о графе Хвостове и старались только о том, чтобы, благодаря его за стихотворные присылки, находить благовидные предлоги для возвращения их автору, а если и печатали иногда его стихи, то только в крайнем случае, не желая окончательно разобидеть старика. Сколько раз ему приходилось заискивать, унижаться, кланяться людям, которые над ним же смеялись, и сколько раз он должен был с грустью отмечать в черновой книге против того или другого стихотворения: «несмотря на усиленные просьбы, ни в одном журнале не напечатано — выдать отдельно».

Особенное неудовольствие возбуждал в нём, как и во всех его клиентах, издатель «Московского телеграфа» — *Н. А. Полевой*. Сначала граф Хвостов посылал ему свои стихи для напечатания в «Телеграфе»; но *Полевой* умел отделяться от него не хуже других,

¹ Опыт критической истории русской литературы, СПб. 1822 г., стр. 212—213.

так что ни одной строчки графа Хвостова в «Телеграф» не попадало, кроме тех выписок из его сочинений, которые иногда приводились в комических рецензиях. Эти рецензии до того рассердили графа Хвостова, что он чуть не официально жаловался на *Полевого* попечителю московского университета и стал называть издателя «Телеграфа» не иначе, как «зловонным пасквилянтом». Клиенты графа все, более или менее, жаловались ему на *Полевого*; внимание публики к «Телеграфу» и дельное направление этого журнала были не по сердцу многим журналистам, лишившимся из-за него значительной доли подписчиков и не умевшим соперничать с «Телеграфом» серьёзностью и интересом содержания. Князь *Шаликов* ненавидел *Полевого* за модные картинки, прилагавшиеся к каждой книжке «Телеграфа», видя в этом нарушение мнимой привилегии «Дамского журнала»; *Макаров* видел в нём развратителя нравов; вообще все бездарные представители литературного застоя, к каким принадлежали по большей части клиенты графа Хвостова, вместе с наиболее видными из последних «классиков», употребляли все усилия, чтобы повредить «Телеграфу» и его издателю в литературе, осыпали его самыми грубыми и плоскими насмешками и часто пускали в ход вовсе не литературные средства, лишь бы унижить и оскорбить противника. *Макаров*, князь *Шаликов*, *Лялин* и другие старательно сообщают своему меценату — графу Хвостову все литературные сплетни, касающиеся *Полевого* и его сотрудников, и стараются втянуть старика в журнальную полемику вроде той, какую постоянно вёл с «Телеграфом» *Макаров*, подвизавшийся в «Дамском журнале» под различными псевдонимами, мужскими и женскими, вероятно, для того, чтобы показать, что у *Полевого* очень много противников (например, *Старый словотолк*, *Житель Кудрина*, *Быстрицкий*, *Залыбедский*, *Рязанка*, *Анна Перевитская* и прочие). Но граф Хвостов, по своему обыкновению, вёл эту полемику не печатно, а письменно — в своих записных тетрадях и письмах к своим друзьям; он сохранял все письма, где говорилось о *Полевом*, и таких писем набралось немало; все они заключают в себе брань и сплетни на новый журнал. Вот, например, выдержки из писем *Макарова*:

с. 407

«Литературные отношения у нас, по милости *Полевого*, в самом бранном положении. Не понимаю, кто даёт ему право так оскорбительно браниться, и притом без пощады лиц? Впрочем, брань есть профит его, и без брани весь журнал его будет недействительным...»

«...*Полевой*, руководимый *Вяземским* и другими, преданными сильной партии *Вяземского*, не докончивши ещё старой канонады, открыл, как водится с ним, весьма решительную новую, и первый залп уткнул в трудолюбие *Каченовского* грозит и другим многим, и низкая полемика, кажется, и на сей год будет в своей тарелке. Жаль старика *Каченовского*, человека истинно учёного; но подведя и его под насмешку, в нынешнем расположении умов наших книжечётов, и ему могут сделать неприятность и большой урон журналу казённому и такому журнальному патриарху, каким должно почесть умный и учёный „Вестник Европы“».

с. 408

Другой корреспондент графа Хвостова, *Пётр Лялин*, немилосердно ругающий *Полевого*, в то же время справедливо замечает, что противникам «Телеграфа» хочется убавить число подписчиков на этот журнал, и потому все стараются, как рой пчёл, жалить *Полевого*, вынимающего у них мёд, не приняв в соображение, что непрерывные нападения и резкие выходки ненависти, подобно аукционному торгу, набивают цену лицу или вещи».

Кроме личных причин неудовольствия на *Полевого*, граф Хвостов разделял и общую ненависть к «Телеграфу» старого литературного лагеря, для которого слово «романтизм» было синонимом государственного преступления, а *Полевой*, как главный представитель новой теории в критике, являлся в виде странного злодея. Время, когда явился «Телеграф» (1825 г.), было временем жаркой борьбы классического направления в литературе с романтическим. Новое направление выдвинуло блестящие молодые силы; старое всё более и более сознавало свою несостоятельность и всеми силами старалось отстоять своё положение в литературе. Старая, уже забытая борьба из-за слога теперь возобновилась, приняв другие формы и более обширные размеры. Как прежде, так и теперь, литературные консерваторы не отступали ни перед какими средствами, ни перед какими обвинениями, лишь бы сломить своих противников. В бумагах графа Хвостова сохранилось довольно много заметок о новой литературной «моде» — заметок, весьма характерных, как выражение мнений не одного только графа Хвостова, но целого литературного лагеря, к которому он принадлежал. Некоторые из представителей классицизма в письмах своих к графу Хвостову с достаточной ясностью высказывают свой взгляд на романтическую поэзию:

«Скажите, ради Бога, — пишет князь *Н. А. Цертелев*, — долго ли будут потчевать нас бесстыдством и таинственностью? Долго ли самозванцы-небожители будут говорить языком,

с. 409 которого смертные не понимают, а боги не хотят слушать? Что будет с нашею литературою, если этот вкус ещё несколько лет процарствует?.. Не знаю, чем ваше сиятельство теперь занимаетесь; а доброе сделали бы дело, если бы напомнили сынам *огня и вдохновенья*, что они бредят. Многие были бы вам благодарны; приходит до беды:

Не знаешь, право, что начать,
Кому в поэзии иль прозе подражать?..»

Главный представитель старого направления на поприще критики, *Мерзляков*, писал графу Хвостову (27-го апреля 1825 г.):

«Что делать, ваше сиятельство! — мы не принадлежим уже к нынешнему веку, ибо у нас, благодаря *какой-то очаровательной немецкой шалости*, что неделя, то новый век литературы, и что автор, то новый преобразователь языка! — и вместе новые роды, и новые законы для сочинений!.. но важная задача ещё не решена: что от нынешних романтиков приобрели язык наш, поэзия, вкус, и особенно нравственность (в поэмах *Цыган, Разбойников и Чернецов!!!*) и что они теряют или уже потеряли!.. Мы умрём спокойно и отрадно, сиятельнейший граф, потому что видели великих песнопевцев, умели любить их и им удивляться: — не знаю, уверена ли самая большая часть из нынешних партизанов-литераторов в том, что они переживут *свою моду* и свою славу, ибо она почти ни на чём не основана».

В 1827 г. один из молодых представителей новой школы, известный поэт *Н. М. Языков*, напечатал в «Славянине» *Воейкова* (часть III, стр. 388—390) «Послание графу Хвостову», начинающееся стихами:

«Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено...»

Здесь он сравнивает себя с Хвостовым и говорит, что молодость и неопытность свели его с истинного пути на путь романтизма, а потому он и просит уроков у старого певца:

«О, научи меня, Хвостов!
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная богов —
У Касталийских берегов
Шальная вольничает муза.
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво —
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет».

с. 410

Граф Хвостов тотчас же напечатал в том же журнале (часть IV, стр. 30—32) ответ на это послание:

«Прими, восторга сын, поэт,
Которому я благодарен,
Прими классический совет;
Он простодушен, но коварен...
.
Представь премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч.
На Альпы стань, когда Суворов,
Герой молниеносных взоров,
Вещал устами грома речь.
Пускай афинян басни, драки
Отринул вкус безмерно строг,
Представь Эдипа жалкий рок

От рук свирепого Шемяки...

 Пой резвой юности игры
 И хороводы, и пиры;
 Пусть пробка с потолком сразится;
 Весёлый теша уголок,
 Где в чистом хрустале струится
 Вина шипящего поток.
 Певец! постигни цель искусства,
 Славь добродетели поток,
 Страстям, пороку дай урок;
 Тебе любви высокой чувства
 Откроют истины предел,
 Где Пиндар брал запасы стрел.
 Языков! не проси совета
 У старика глубоких лет,
 Но если нужен — вот совет:
 В десницу взяв доспех поэта,
 Напрасно время не губи,
 В обителях и муз, и света
 Советодателя любви».

Копии с послания *Языкова* и с своего ответа граф Хвостов разослал всем своим знакомым, и получил много хвалебных писем. Вот как, например, отзывается об этой стихотворной переписке Александр Абрамович *Волков* (автор поэмы «Освобождённая Москва» и прочих):

«Вы выиграли самую трудную победу: вы обратили к православию раскольника, то есть романтика, каким был г. *Языков*. Честь и слава прекрасному таланту вашему! Такая победа при нынешнем греховном направлении словесности есть торжество всех благомыслящих людей! Дай Бог, чтобы и впредь сие чаще случалось! И мы тогда, хотя в шутку, будем припевать: нашего полку прибыло, прибыло!»

с. 411

Другой корреспондент графа Хвостова, Евгений Иванович *Лялин*, заходит в своём восторге ещё дальше: «Послание к вам *Языкова* (пишет он) прекрасно, но не столько по стихам, как по принятому им намерению отказать от ереси романтизма, к чему его, конечно, принудили блистательные успехи очаровательной классической музыки вашей... Могущество истинного гения смиряет разрушительную власть времени и смелость эгоизма литературных реформаторов, увлекающих ложным светом своим малодушную неопытность новичков Парнаса к заслуженным укоризнам беспристрастных современников и неумолимому забвению правосудного потомства. Но, почтенный бард! если вас не утомила ваша слава, то перунам музыки вашей ещё предлежит славное обращение к истинным догматам нашей литературы и *главного ренегата-романтика*, своенравие коего слишком далеко увело за границы свободы, дарованной ему снисхождением критики и предубеждением верующих в одно только новое, в число коих можно без греха включить большую часть и наших калужских идолопоклонников, с головами, вскружёнными котильоном и распалёнными мазурками, беспрестанно бредящих одними только выученными панегириками недавно появившемуся *Онегину*, едва ли переживущему тление тех листов, коим своеволие поэта вверило столько ошибок против языка и грамматики, сколько нужно к убеждению потомства в незнании автора падежей и склонений».

Ещё раньше *Языкова*, в 1821 г., другой поэт — *К. Ф. Рылеев* посвятил графу Хвостову следующее стихотворение:

Переводчику Андромахи.

(На случай пятого издания перевода сей прекрасной расиновой трагедии.)

Пусть современники красот не постигают,
 Которыми везде твои стихи блестят;
 Пускай от зависти их даже не читают
 И им забвением грозят!
 Хвостов! будь твёрд и не страшись забвенья:

с. 412

Твой славный перевод Расина, Буало,
 В награду за труды и дивное терпенье,
 Врагам, завистникам назло,
 Венцом бессмертия венчал твоё чело.
 Так, так; твои стихотворенья
 В потомстве будут все читать,
 И слёзы сожаленья
 За претерпенные гоненья
 На мавзолей твой проливать».¹

Граф Хвостов замечает: «Прекрасно; но ополчение зоилов и даже невнимание современников не есть гонение. *Гонимы* были Тасс, Галилей и другие. Г. *Рылеев* напечатал сии стихи с переменами (смотри «Сын Отечества» того времени),² что лица мои смешны. Я примечание о сём поместил в примечаниях к одному из моих посланий. *Рылеев* был ещё тогда не на воздухе, и сказал, прочтя моё замечание: „Я пошутил, а ваше замечание пойдёт в потомство“. В ответ ему отвечать надобно было:

Потомства не страшись — его ты не увидишь!»

Перемены в «Сыне Отечества» состояли в следующем: после первого куплета прибавлен ещё один куплет:

«Не верь зоилам сим: они шипят из праха;
 Ни дарования, ни вкус им не даны,
 Коль Гермiona, Пирр, Орест твой, Андромаха
 Им кажутся смешны».

А в последнем куплете выпущен стих «За претерпенные гонения». Примечание, о котором говорит граф Хвостов, находится во II томе его сочинений, издание 1821 г., стр. LIII: «Нескромные хвалители (говорится здесь) найдут везде место к приветствию; иные даже превозносили автора за то, что лица в Андромахе его перевода иным *казались смешны*, и что *многие его не читают*».

с. 413

Итак, граф Хвостов принял эти стихи за панегирик «нескромного хвалителя»; между тем всякий читатель, знакомый с литературною деятельностью *Рылеева*, увидит, что это не более как шутка над наивным стихотворцем, написанная его же языком. Отрывки из стихотворений Хвостова, где говорится о зоилах, могут служить достаточным подтверждением этого заключения; на то же указывает и самое помещение стихов *Рылеева* в журнале *Греча* и *Воейкова*, наиболее потешавшихся над графом Хвостовым и нередко сочинявших ему иронические панегирики. Стихи *Рылеева* просто пародируют отзывы самого Хвостова о своих произведениях.

Оставаясь до конца жизни верным последователем правил классической пиитики, граф Хвостов постоянно ратовал против «нововодителей»; в обширных примечаниях к своим сочинениям он оставил образцы своих апологий старого направления и нападок на новое; всего же более таких замечаний и отзывов находится в письмах и записках. Литературные взгляды графа Хвостова, конечно, странны и смешны; но не следует забывать, что основная точка зрения нашего писателя разделялась целою литературною и общественною партией, считавшею в своих рядах таких личностей, которые имели большой вес если не в литературе, то в других сферах; потому смешная сторона этих взглядов нередко представляется очень невесёлою...

Основной тон литературных мнений графа Хвостова высказан им в следующей заметке о самом себе:

«Семидесятилетний поэт, которого публика не читает и не знает по невниманию к произведениям изящных искусств, а иные без толку бранят и гонят за то, что певец Кубры (то есть я) вооружается на романтиков, которые не довольны что испортили в словесности вкус и язык, портят нравы, вселяя в мысли и сердца безначалие и разврат».

¹ Это стихотворение, не вошедшее в собрание сочинений Рылеева, сохранено в бумагах графа Хвостова. Оно напечатано на отдельном полулисте синей бумаги с полною подписью автора: «Кондратий Рылеев».

² «Сын Отечества» 1821 г., часть 69, № 15, стр. 33—36 (без подписи).

Вот что говорит он о Пушкине:

«Я читал с удовольствием книгу, на сих днях появившуюся, под названием „*Стихотворения Александра Пушкина*“. В ней таланта много, остроты довольно, блеску ещё более; а шутки часто плоски или подлы. „*Сожжённое письмо*“ — образцовое произведение, достойное Тибулла и Проперция. „*Ненастный день потух...*“ день *проходит, кончается, исчезает*, а не тухнет. „*Андрей Шеньё*“ — прекрасная пьеса; прекрасный язык, и сколько чувства! Жаль, что она вышла вскоре после 14-го декабря и оттого иным показаться может зажигательною. „*Русалка*“ — пьеса без цели и очень соблазнительная. Кто спорит, что поэзия Пушкина легка и приятна, но часто лишена благонравия? Здесь монах, невзирая на строгость правил и обетов своего звания, прельстился молодою девушкою. „*Гроб Анакреона*“ — тоже; но, по крайней мере, Анакреон — многобожник и слывёт 2000 лет сластолюбивым развратником. „*Чёрная шаль*“. Виноват, я враг этой модной шали. Цель её — убийство, для молодого и нежного поэта она слишком кровава. Происшествие гнусное и нет ни одного благородного характера. Закключаю, что мне статьи „*К морю*“ и „*Наполеон*“ не нравятся. Писаны во вкусе дум *Рылеева*, хотя слог не столько холоден и менее натянут. Автору, говорящему о величестве и ужасе моря, попались на ложку Байрон и Наполеон. О последнем похвала не кстати. Он враг человечества и превозносимой свободы. Если Пушкин восхищается его гением, то что такое гений без доброго сердца? „*Послание к Дельвигу*“.¹ Это сочинение, если принять его даже и в мистическом смысле, никуда не годится. Что за связь! Чтобы убедить современника нашего Дельвига, что он, упражняясь в стихотворстве, оскорбляет дедушку своего, давно умершего барона-рыцаря, — на что этого дедушку описывать глупым гордецом? а всего непростительнее — на что семинаристов или студентов, напоив пьяными, отправить на кладбище, подкупить сторожа, вырыть дедушки поэта-барона остатки плотяные, сделать из одного скелет, подвергнуть суду законов сторожа, погубить его, а сей скелет, когда студент принуждён был переселиться в другой город, продавать по частям! Мне очень жаль, что Пушкин сочинитель сего глупого, можно сказать, послания. Оно так непотребно, что если бы стихи были прекраснейшие, лучше Виргилиевых, то и тогда бы не годились никуда.

с. 414

„*Граф Нулин*“. Поэма это или роман в стихах, или сказка — читатели сами рассудят; по мнению моему, стихи в стихотворении «Нулин» и прозаические и гораздо слабее, нежели в других сочинениях Пушкина, и даже слабее Онегина».

Интересно также суждение графа Хвостова о «*Горе от ума*»:

«Комедия писана, кроме некоторых мест, прекрасно; слог чист, правилен и свободен. Остроты много; не менее я нашёл живописи и сходства в описании лиц. Но всё сие относится только, так сказать, к неловкости светского общежития и суть странности светские, а не пороки, то есть не ханжество, не скупость и не злословие, и следственно комедия выходит, как „*Недоросль*“ Фонвизина, временная, то есть поражающая недостатки, приличные одному времени по духу и обстоятельствам и воспитанию того столетия. Комедия сия имела в журналах много превозносителей и много хулителей. Последние на вопрос, для чего её не печатают, скажут вместе с г. *М. Дмитриевым*, что *нет ни одного благонамеренного лица*. Нельзя, чтобы в целом обществе не случилось порядочного человека, который бы предостерегал других от шалостей, ветрености или разврата. В комедии *Грибоедова* все лица чудачки. Чацкий только злословец. Действие во всю комедию спит, лица только что разговаривают, хотя часто, как выше сказано, живо, умно, остро и забавно. Но характеры все общие: Софья Павловна, в которую так влюблён Чацкий, столько развращённа, что недостойна быть на театре. *Грибоедов* много отважился, что в лице благородной девушки осмелился её вывести на сцену... Нужно лицо в комедии, которое бы интересовало, то есть заманивало всех зрителей, и на котором бы вертелись, как на оси, все приключения театральной завязки или романа. А Фамусов, Софья Павловна, Молчалин и сам Чацкий едва ли кого интересовать будут. Вообще повторить надобно, что в целой комедии *действия* никакого нет, также и характеров».

с. 415

Но всего любопытнее мнения графа Хвостова о критике. Рассматривая эти мнения, необходимо иметь в виду, что в эпоху господства ложно-классического направления критика была преимущественно формальная, то есть обращала внимание не на внутреннее содержание данного литературного произведения и отношение его к современной действительности,

¹ «Прими сей череп, Дельвиг...»

а на внешнюю оболочку мысли — на язык и слог, грамматическую правильность речи, условную структуру стиха, даже на опечатки. Содержание являлось на втором плане, особенно в произведениях поэтических; но и оно при этом подчинялось подробно разработанным и строго определённым правилам пиитики. В каждом произведении должны были находиться известные признаки, на основании которых оно подводилось под одну из бесчисленных категорий, на которые дробилась «наука стихотворная». Задача критика состояла, следовательно, в том, чтобы указать достоинства и недостатки формы данного произведения и затем отнести его к тому или другому роду или виду. Всякая другая критика во времена графа Хвостова считалась профанацией искусства; вот одна из причин резких нападков на «Телеграф», явившийся органом новых идей, противоположных обычным правилам Буало и Баттё. Другой критики граф Хвостов и не признавал, и не понимал, как и все представители консервативного направления в тогдашней литературе. Кроме того, в его суждениях о критике ясно видно личное раздражение на иронические отзывы об его собственных произведениях. «Я люблю критику, — говорит он, — проповедовал и торжественно утверждаю, что доколе не будет критики, дотолка не будет у нас певцов. Критика не есть зоильство; все знают, что я кроткий человек, удаляюсь сваров, гнушаюсь зоилами; но критику всегда себе за честь поставлю... Система моя в поэзии — дух, сила, подражание природе, удаление жеманства. Я почитаю поэта вдохновенным, до недостатков его мне дела нет; образцовый должен сам для себя наблюдать чистоту, подражая в сём случае *Виргилию* и *Расину*: они образец возможного совершенства».

с. 416

Мнения графа Хвостова о критике вообще и о своих критиках в особенности (надо заметить, что печатных критик на его сочинения очень немного; всего больше рукописных эпиграмм, которые скоро доходили по назначению и распространялись в обществе) всего подробнее изложены в его «биографии». Здесь, между прочим, говорится:

«Свойство графа Хвостова самое кроткое, что открывает вся его жизнь домашняя и все те, кои имели с ним сношение. Он весьма равнодушно сносил многие неприятности, поставя себе правилом, что для благополучия в обществе надобно ближним многое прощать. Но равнодушие сие, толикою делающее честь мудролюбцу, всегда ли было свойством поэта? К сожалению — нет. Отрицать нельзя, что насмешки, сатиры, пасквили, действуя на легкомысленную часть публики, крайне его огорчали. Правда, что будучи всегда управляем рассудком, редко отвечал на колкости, издаваемые в журналах, увидя, что нападки их есть вражда, а цель — уловить для корысти внимание публики насчёт известного человека или писателя. И потому нередко твердил стихи *Крылова*:

„Знать, моська та сильна,
Что лает на слона“.

Вражда сия имеет свой хотя и не похвальный источник: граф Хвостов, любя страстно словесность и поэзию, увидел, что молодые писатели, по слеповерию к некоторым иностранным образцам, отступя от своих предшественников, каковыми он полагал относительно вкуса *Хераскова*, *Богдановича* и других, и даже нарушая правила рассудка и вкуса, в короткое время наводнили Парнас наш слезами, вздохами и, наконец, появились не только изнеженные стихи, но и жеманные мысли. Сие самое побудило нашего автора последовать в стихах похвальному примеру в прозе почтеннейшего *Шишкова* и ополчиться на те нелепости (хотя кротко, не именуя никогда лиц и не выставляя даже стихов)... Модные стихотворцы скоро составили заговор, коего главная статья, по словам *Мольера*, была та, что *кроме их и друзей их никто другой ума иметь не может*. Бесчисленная толпа подражателей к ним присо-вокупилась; все на Пинде стали томиться, вздыхать, все друг друга стали превозносить похвалами, а тех писателей, кои следовали правилам рассудка, осыпать ругательством. Журналисты, следуя похвальным побуждениям своим, возрадовались счастливому времени и пустились венчать лаврами большею частью тех, кои портили и поэзию, и язык и кои, черпая без разбора из книжного и разговорного источника, попирая словопроизводство и словоударение, получали титул очистителей языка. Вот отчего в некоторых журналах глубокое молчание о творениях нашего автора, а изредка, иногда, подпускалась мнимая аттическая соль и личная колкость! Вот отчего в Пантеонах, образцовых сочинениях и прочем нет ни строчки, принадлежащей графу Хвостову! Вот отчего эпиграммы на перевод „Науки стихотворной“, который один достаточен принести довольную честь каждому сочинителю! Вот отчего некоторые писатели того времени заключали: „мудрено сказать, в котором роде

с. 417

граф Хвостов более успел“, хотя, не говоря о других родах, статьи, забытые законодателем французского Парнаса: о басне и об опере — дают нашему автору непостыдное место в числе поэтов-дидактиков. Ценители сии не заботились о том, хороший ли стихотворец граф Хвостов, а только присягали ложному вкусу и своим видам не хвалить его. Их дело было знать, что он не модный писатель, сего уже довольно. Сия зараза так сильно была вкоренена, что в одном училище начальник подверг наказанию ученика за то, что он читал на экзамене стихи графа Хвостова, а не наперсников моды.

Граф Хвостов всегда был готов искренно любить и уважать питомца муз без зависти и лести к отличным или средственным дарованиям каждого. Примечания при его сочинениях доказать могут, сколько он заботился что-либо упомянуть к чести поэтов современных и вместе удивляясь постоянным на него нападкам и молчанию насчёт его трудов, говаривал: можно не читать худого поэта, хулить его музу, смеяться над его стихами, даже и в печати, только пристойным образом; но ненавидеть без причины, кажется, не за что!

Заслуги его на русском Парнасе суть: ревность обратить писателей к природе и древним образцам. Он от каждого стихотворства всегда требовал особенного чувства и воображения. Он сам есть пример плавности вообще, то есть слога и мыслей. Правила Попия о критике и собственные послания о притче и опере и правила, им самим в его творениях рассыпанные, уверят всех, что *он первый направил поэзию в России правилами и образцами на ту благородную цель, для каковой она сотворена*; нравственность, дары поэта, критика, язык и звучность были его отголоски. Из чего видно, что автор наш первый проповедовал и *первый в нашем отечестве водворил благоразумную критику*».

с. 418

Из этого видно, что наивный стихотворец дошёл до такого самомнения, что стал считать себя преобразователем литературы, и что всего забавнее — именно в такое время, когда в нашей литературе действительно совершалось преобразование, причём имени графа Хвостова серьёзно никто и не произносил. Но в своём комическом увлечении он заходит ещё дальше и пишет длинную записку «по случаю восшествия на престол императора Николая Павловича и об мятеже, случившемся 14-го декабря 1825 года», в которой объясняет всё дело развратом в литературе и прямо называет революционерами всех тех, которые не хвалили его сочинений. Вот содержание этой записки: сначала граф Хвостов распространяется о французской революции, прибавляя, что он всегда был чужд этой заразы и всегда громил крамольников в своих сочинениях. Причина французской революции, по его мнению, заключается в корыстолюбии, властолюбии и жажде чужого достояния, а средством для осуществления коварных замыслов служила развращённая словесность. Переходя затем к России, он видит здесь совершенно аналогичное явление: «Если у меня спросят, — говорит он, — с которого времени сие зло появилось в России? — отвечаю, что с семидесятых годов прошедшего столетия; но тогда оно было в колыбели: пустословие, игра ума, ополчающаяся затейливо на древние некоторые заблуждения и обычаи... Не имея ни права, ни способов рассуждать о ходе, распространении и политическом наитии зло-вредного безначалия в любезном отечестве нашем, буду только говорить о явных приметах, рассеиваемых (невзирая на строгость цензуры) в ежедневных, еженедельных и месячных листочках.

Словесность есть самое удобное средство к разлитию в обществе понятий, разрушающих все основания истинной мудрости, и тем более, что она, представляя вещи с одной часто стороны, удобно может по наружности невинным рассуждением, хотя и без всяких доказательств, поколебать в слабых сердцах истинные начала веры, совести и рассудка; словесность, о которой я могу рассуждать по сорокалетнему упражнению в оной и по многим опытам с некоторою основательностью, какое у нас в последние десять лет минувшего столетия имеет направление? Какая цель нашей поэзии, какие правила её, и есть ли в оной критика? Простые ответы на все сии вопросы легко удостоверять каждого беспристрастного читателя, что после *Ломоносова* и некоторых в малом числе его последователей большая часть наших поэтов, по счастливому изречению моему в одном послании:

с. 419

„Все пишем как хотим, шутя над Аполлоном“.

Те поэты, коих я разумею, осмелятся ли представить благородный характер в избираемых ими предметах и лицах? покажут ли в них чувства и поступки, могущие возвысить душу читателя и склонить его к подражанию в общественной, частной и приватной жизни великим примерам? Правило поэзии — *три единства* — под именем педантизма нововводителями

совершенно искореняются. Изыщная природа, изображающая в полной красоте высокую мысль, высокое деяние или чувство, заменяется какою-то общею природою и часто привлекает сострадание читателя на героя-преступника. Сколько лирических сочинений и мелочных поэм, представляющих нам кровавые плоды развращённых сердец! Сочинения, могущие попадаться в руки прелестных женщин, приучают их, так сказать, к окровавленному потоку мрачных дум. Преступники, разбойники и подобные содержания назло изящной природе составляют в наше время предмет поэм *не-эпических*. Из чего ясно следует (?), что цель поэзии, со времён Аристотеля донныне, должна служить наклонением к добродетели и благонравию; но цель нововводителей совсем другая, именно — приготовление умов и сердец к разрушению всякого порядка. Я спрашиваю: совершенно ли переменялся в наши времена язык *Ломоносова*? не тем же ли языком изображают свои мысли все наши писатели? Какая нужда разделять времена нашей поэзии на разные эпохи, и что всего лукавее — отделять язык русский от славянского? не для того ли, чтобы яснее представить для каждого состояния и лица на первом, как всякому понятном, языке свои заблуждения и найти соучастников? На что переменять язык? на что уничтожать роды поэзии и отвергать правила единства и изящной природы? — Прибавим о критике. Сия знаменитая наука, толико полезная в образовании вкуса и даже просвещения вообще, — в каких она руках находится? И что такое в нашей словесности критика?

с. 420

Смело можно сказать, что неблагонамеренные люди и журналисты завоевали у нас критику и создали из оной или гнусную сатиру на иных писателей, или панегирик модных авторов. При разборе сочинения не спрашивается — какая цель оного, какие лицам приданы свойства, чувствования и мысли. Часто похваляются рассуждения, мысли и чувствования высокие в устах преступников. Стараются всё, на правилах основанное, искоренять... Не ясно ли, что суждения словесности нашей и самый даже язык с 1790 года имеют свою особенную цель, удалённую от цели словесности, то есть от пользы нравственной, распространения вкуса и оспетования правильного языка?

Не пристойно мне говорить о самом себе, о моих слабых дарованиях и о посильных произведениях; но, в подтверждение предлагаемого мною довода о том, что цель поэзии и цель нововводителей совершенно различны, имею право сказать, что они сами делают предполагаемое мною разделение. Более тридцати лет находясь членом Российской академии, издав 4 тома стихотворений в определённых родах, кои они называют классическою поэзию, никогда и ни в каких журналах не было отголоска о моих произведениях. В журналах, в обозрениях литературы при альманахах, имя моё едва ли находится. В одной учебной книге хотя упоминается обо мне, но с некоторою насмешкою, именно, что *некоторые обещают мне бессмертие*. Впрочем, и здесь говорится только, и то мимоходом, о роде моих стихотворений, а не определяется нимало о степени достоинства оных и не упоминается вообще о недостатках... Нет нужды *извлекать молчание в журналах* (?) или краткие и часто язвительные упоминания о новых хороших моих сочинениях. Я всё сие исчисляю для показания, сколько нововводители удалены были от прямой цели словесности, и потому нет нужды напоминать об эпиграммах, которые с торжествующим удовольствием отступники порядка и в самой словесности рассыпали.

Желаю убедить питомцев муз, что неистовые ополчения на *А. С. Шишкова*, знаменитого благодетеля русской словесности, на меня и на других почтенных по авторству собратий, *не иное что в виду имели, как цель безначалия*, препятствующую рассматривать и видеть достоинства в тех людях, кои не могли по совести, рассудку и опытам быть их соучастниками».

с. 421

Под конец своей жизни граф *Хвостов*, по просьбе *С. Н. Глинки* и князя *Шаликова*, принял под своё покровительство бедного слепого поэта *Н. М. Шатрова* (1765—1841), автора духовных стихотворений, с которым он был знаком уже давно. В 1831 г. он предложил Российской академии издать сочинение Шатрова, предоставив выручку от их продажи в пользу автора. С этих пор начинается его переписка с Шатровым, интересная как обмен мыслей двух представителей отжившего своё время литературного направления. В первом письме (писанном рукою *С. Н. Глинки*) Шатров говорит:

«По собственному побуждению души своей вы приняли участие в произведениях моих и в горестном жребии бедного слепца. Если в стихотворениях моих есть некоторое достоинство, то неместно скажу, что я обязан тем умным беседам, когда у *Ф. Г. Карина* собирались вы, *Николев* и *Горчаков*. А если в псалмах моих сохранён отпечаток псалмов *Давидовых*,

то тем единственно обязан вашим псалмам, в которых, без изменения духа священного песнопевца, дышит живое его вдохновение. *Ж. Б. Руссо* поднёс бы вам лавры свои».

При этом приложено два небольших стихотворения. Вот одно из них:

«Слепой читал Хвостова,
И вот Хвостову суд слепова:
Хвостов в забвенье не падёт,
Но, как певец давно известный,
Сложив с себя покров телесный,
Из время в вечность перейдёт».

В конце 1831 г. *С. Н. Глинка* писал графу Хвостову: «Слепца Шатрова стихи отпечатаны. На днях препровожу их к вам. Он восхищён вашим псалмом и будет отвечать звуками лирическими».

Российская академия увенчала серебряною медалью зрячего крестьянина *Слепушкина*; какая бы была для неё слава, если б она хотя такую же медалью наградила слепого нашего поэта-ветерана! Шатров тем достойнее вниманья, что он, не зная никакого иностранного языка, умеет выражать величественнейшие мысли. *Суворов* покровительствовал *Кострову*; вы, граф, — вы племянник бессмертного героя! Итак, в речи животворной предложите о *Шатрове* в первом заседании, и, по примеру вашего незабвенного дяди, будьте покровителем Шатрова! Речь ваша о коренном русском поэте будет из знаменитейших памятников в записках академии».

Граф Хвостов, однако, не говорил этой речи, а просто написал *Шишкову*, прося его помочь бедному поэту. По ходатайству *Шишкова*, сочинения Шатрова поднесены были государю и поэт получил два перстня; об этой награде известили графа *Хвостова* *С. Н. Глинка* и князь *Шаликов*; последний пользуется этим случаем, чтобы замолвить словечко и за себя:

«Montrez-moi mon rival — et je cours l'embrasser...

вот ваш девиз, — так сказал *Вольтер* и так вы поступили с слепым лириком. Не скрою после этого мысль, сверкнувшую в голове моей при столь великодушном желании моего благодетеля делать добро, чтобы и я удостоился что-либо получить от царских щедрот. Благотворное присутствие *Николая* простиралось на бедного Петра единственно по тому всеобщему восторгу, который был живо чувствуем и его верноподданническим сердцем; что же касается до прочего, то ведь вас не было здесь; а у меня в целом мире нет другого мецената! Итак, мелькнувшая мысль состоит в том, чтобы снова прибегнуть к моему единственному покровителю: не найдётся ли им средство к поднесению императрице моего журнала, некогда имевшего подобное счастье по вашему благодаянию! Слабая, дрожащая рука может только присовокупить: преданнейший навеки душою и сердцем вашему сиятельству *Шаликов*».

Князь *Шаликов* не ошибся в своих расчётах: «меценат» выхлопотал ему богатый перстень, а *Шатрову* — золотую медаль от Российской академии. Но сочинения *Шатрова* в продаже шли очень плохо: «мои стихотворения не в большом уважении у журналистов», — пишет он графу Хвостову, и с грустью прибавляет:

«Время мастеров промчалось
И немного их осталось:
Только меценат — *Шишков*,
Дмитриев, *Крылов*, *Жуковский*,
Да почтеннейший *Хвостов!*»

Таким образом, даже *Пушкин* в 1832 г. не удостоился чести попасть в число «мастеров» и в этом *Шатров*, с своей точки зрения, был прав: в *Пушкине* все классики видели своего главного врага, главу нового романтизма. Недаром *Шатров* собирался писать *Шишкову* послание

«О растлении стихов,
О паденьи классицизма,
О восстаньи романтизма
И о языке богов».

Граф Хвостов, радуясь такому намерению слепого поэта, пишет ему длинное письмо на тему: *«Порча вкуса в нашей словесности дошла до крайней степени; мы близко варварства»*. Шатров вторит ему стихами: с. 423

«Все таланты как упали,
Все восторги как пропали,
От свирели до трубы!»

Переписка продолжается в том же тоне взаимных жалоб и сожалений о «добром старом времени», когда в литературе не было ещё «модной заразы». Наконец у *Шатрова* вырывается грустное сознание человека, чувствующего, что он пережил сам себя:

«Всему своё время — наше прошло».

Это давно следовало понять и графу Хвостову.

VI.

В продолжение своей пятидесятилетней литературной деятельности граф Хвостов постоянно вращался в обществе известных писателей; он был знаком почти со всеми замечательными деятелями русской литературы конца XVIII и начала XIX века; кроме того, по рассказам старших своих современников, знал многое и о таких писателях, которых уже не застал в живых. При таких благоприятных условиях у него, естественно, явилась мысль заняться историею русской литературы — мысль, в первое время выразившаяся в плане словаря русских писателей или, вернее, дополнений и поправок к известному словарю Новикова. Задавшись этою целью, граф Хвостов в 1801 и 1802 гг. начал собирать биографии русских писателей, что ему сделать было не особенно трудно, — стоило только обратиться за содействием к своим многочисленным знакомым. Многие из них сообщали ему биографические сведения как о себе лично, так и о других, живых или умерших писателях. В числе лиц, доставивших ему такие материалы, встречаем имена графа *А. И. Мусина-Пушкина*, *Т. С. Мальгина*, архимандрита *Евгения (Болховитинова*, впоследствии митрополита киевского) и других.¹ Последний сам давно уже занимался сборианием материалов для истории русской литературы, а потому граф Хвостов, начавший с 1804 г. издание журнала «Друг просвещения», предложил ему придать своим заметкам словарную форму и помещать в новом журнале биографии русских писателей в алфавитном порядке. *Евгений* охотно согласился на это предложение, и в продолжение трёх лет успел напечатать в «Друге просвещения» 298 биографий (от А до К), в числе которых немало сообщённых ему графом Хвостовым. Дальнейшая судьба словаря *Евгения* известна: в 1818 был издан словарь духовных писателей; в 1827 это издание было повторено; словарь писателей светских оставался неизданным до 1845 года. Это обстоятельство, вероятно, и побудило графа Хвостова в 1826 г. снова приняться за составление словаря; в это время он писал *А. А. Писареву*, прося его доставить свою биографию: «Несколько просвещённых людей намереваются издать словарь русских писателей, и доставили уже мне множество записок; но что сии записки значат? Они, по большей части, оглашают только то чины, то произведения наших прозаиков и стихотворцев или незаслуженные ими похвалы, а чаще ругательство пристрастных журналистов. Мне совсем не то надобно, именно: место и время рождения автора, последний его чин в военной или гражданской службе, почести литературные и список сочинений, если можно — по годам, и когда и где напечатаны».

с. 424

С подобными же просьбами граф Хвостов обращался к *И. И. Дмитриеву*, князю *Шаликову*, *Городчанову*, *Перевозчикову* и другим. В бумагах его осталась следующая заметка:

«19 марта 1826 г. в собрании *Общества о Словаре*² граф Д. И. Хвостов объяснил, что намерение общества не то, чтобы составить жизнеописание каждого сочинителя в стихах или в прозе. Невзирая на пример г. *Греча* в учебной книге его, разделение словесности на эпохи и на степени, мне кажется, излишне. В поприще сём вси бо текут, един же приемлет почесть. Вот определение, справедливо обращённое к нашему подвигу или намерению. Описание трудов каждого сочинителя достаточно покажет степень его достоинства и славы. Особенно должно быть осторожну относительно живых. Кто будет иметь дерзость сказать живому и даже напечатать, что такой-то против такого-то второстепенный? Оставьте сие „Сыну Отечества“, „Северной Пчеле“ и их собратиям. Мне кажется, что разделение на степени при жизни обидно; писатели суть род раздражительный (*irritabile genus vatum*)».

¹Библиографические записки, II (1859), 233—251.

²Кто были члены этого общества, к сожалению, неизвестно. (М. П.)

с. 425 В то же время в «Дамском журнале» (№ 9, стр. 121) напечатано было объявление, приглашавшее писателей и лиц, имеющих возможность сообщить биографические сведения о каком-либо писателе, доставлять свои записки «Обществу для составления словаря русских писателей». Князь *Шаликов*, напечатав это объявление, писал своему меценату:

«От души поздравляю моего Иракла литературы с предприемлемым новым подвигом, и от сердца желаю счастливейшего совершения, блистательнейшего увенчания!.. Но что скажу о себе? Биография моя не представит ничего интересного: родился тогда-то, учился там-то, служил там-то, тем-то — и аминь. О слабых трудах моих есть нечто в учебных книгах — и довольно. По чести, не знаю, что могу доставить для вашего словаря, в котором, между прочим, так лестно было бы для меня видеть имя своё! Перенесите меня из Гречевой кладовой в свою храмину, и я заживу в ней барином!.. Уголок, вами мне отведённый, был бы для меня многим, многим, и стоил бы самой роскошной гостиной!»

Однако это предприятие не осуществилось, вероятно, потому, что сам граф Хвостов скоро его оставил. В его бумагах осталось несколько материалов для предполагаемого словаря; но их не так много, как следовало бы ожидать. Первое место между ними занимает большая переплетённая тетрадь, в которой переписан словарь *Новикова* с белыми страницами для дополнений и с некоторыми вставками. Из этих вставок заслуживают внимания собственноручно написанные графом Хвостовым отзывы о *Рубане* и о самом себе: «*Рубан*, Василий Григорьевич, род. 1739 г. (следует выписка из *Новикова*). Он имел искусство преобразить Иппокрену в струи Пактоловы. Он не иначе восходил на Парнас, как для прославления богатых и знаменитых особ. Более же всего обогатился надгробьями, что и подало случай к следующей надгробной надписи:

Здесь *Рубан* погребён; он для науки жил;
Надгробописец быв, надгробье заслужил.

Хвостов, граф, Д. И., тайный советник и кавалер святой Анны 1-й степени, член Российской Императорской Академии, человек, имеющий разум и дарования, достаточные сведения и просвещение, приобретённое большим и успешным чтением книг, что доказывается всеми его сочинениями, а особливо нравственными одами. Также он сочинил более 200 притчей, изданных в СПб., 1802 года, в которых пристойная сему роду простота и рассказ искусно совокуплены с богатствами стихотворного воображения и духа. Он перевёл Расиновы трагедии «*Андромаха*» и «*Ифигения*», первая напечатана в СПб. 1794 года. Сочинил комедии *Легковерный* в 3 д. в прозе, «*Русской Парижанец*» в 3 д. в стихах», и прочее и прочее.

с. 426 Кроме этого чернового словаря, есть ещё несколько отдельных биографий, написанных самим графом Хвостовым, и несколько кратких автобиографических записок, доставленных ему знакомыми писателями. В приготовленной для словаря биографии *Державина* есть несколько интересных замечаний.

«Сей достопамятный в лирическом роде поэт родился утешить Россию после *Ломоносова*; жаль только, что мало имел времени украсить российскую словесность бессмертными произведениями своими. Занимая важные места и звания в правительстве в продолжение трёх царств, он не всегда мог посвящать таланты свои лире.... Всякий, кто имел обращение приятельское с Гаврила Романовичем, удостоверит может, что крылатый ум и душа его были всегда в движении, посреди даже шумного общества (?). Известные по преданию стишки, написанные в приятельской беседе одним из его знакомых, когда Д. был ещё экзекутором 1-го департамента сената, это доказывают:

„В сенате должностью, а духом в ратном поле
.....
Снаружи холоден, беспечен, простячёк,
Но огненный внутри и мыслями высок;
Иль с Пиндаром летит, или на стуле спит,
Или как вихрь бурюет“...

Сии письменные стишки, на бумагу положенные без приуготовления и отделки, схватили, однакож, справедливо портрет Д. Они, должно быть, сочинены около 1780 года, при самой заре ещё славы Д. Сей поэт в молодости своей много писал, даже будучи унтер-офицером лейб-гвардии Преображенского полка. Двое его сотоварищей ночью на часах предались объятиям Морфея. Сие юноше, рождённому поэтом, подало случай написать стихотворение, из коего на памяти у многих современников остались первые две строки:

„Одни несчастные — плачевная минута! —
Заснули на часах Батурин и Плехута“.

Есть очень много стихотворений Г. Р., которые он писал в молодости; но публика об них не знает: они принесены, по благоразумию поэта, в жертву Аполлону или находятся в рукописи у тех любителей, которые без толку и разбору любят собирать всё то, что было написано, особливо под вывескою знаменитого человека», и прочее.

Наконец, в бумагах графа Хвостова есть одно письмо, из которого видно, что некто *Шлун* в продолжение 25 лет составлял биографический словарь русских учёных, писателей и писательниц. Вдова его, при посредстве *А. В. Терещенко*, предлагала графу Хвостову приобрести этот словарь за 500 р., и часть рукописей *Шлуна* была у графа для просмотра; но, кажется, он не купил их; по крайней мере, в бумагах его никаких указаний на дальнейшую судьбу этого словаря не находится, и вообще неизвестно, что случилось с этим интересным трудом.

с. 427

Кроме словаря, граф Хвостов задумывал издать большой сборник под заглавием «*Записки о словесности*». «Собираю запасы для истории словесности нашей, за которую журналист *Греч* так неудачно и так несчастливо взялся», — говорит он в письме к митрополиту *Евгению*. В состав этого сборника должна была войти большая часть так называемой «учёной переписки» графа, разбор его сочинений, им самим составленный, анекдоты о писателях, шутки, эпиграммы и прочее, и прочее, так что если бы этот план осуществился, то мы имели бы одну из наиболее курьёзных книг, когда-либо выходивших в свет. Но графу Хвостову в то время, когда он задумал издать свои «*Записки*», было уже 70 лет, потому этот сборник не был составлен, хотя в рукописях графа отмечены и пронумерованы все статьи, назначавшиеся для помещения в «*Записках о словесности*».

Из переписки графа Хвостова видно также, что он хотел заняться биографией *Суворова*, для которой имел много материалов; но затем, вероятно, передал эти материалы кому-нибудь другому, потому что в его бумагах остались только копии с писем Суворова, давно уже напечатанных.

VII.

6-го марта 1825 года архангельский епископ *Неофит*, давнишний знакомый графа Хвостова, писал ему:

с. 428 «При вступлении на епархию, когда я узрел место рождения великого Ломоносова, тотчас родилась во мне мысль о сооружении ему памятника в самом городе Архангельске, где разные иностранцы, взирая на памятник, могут оживлять в воображении своём гения российской поэзии. По временам сию мысль открывал многим гражданам, но без всякого со стороны их исполнения. Наконец, когда случайно повторил то же в беседе с г. гражданским губернатором, то он принял сие с удовольствием, что я заметив, на другой же день сделал к нему письменное отношение и просил его предложить о сём градскому обществу. С согласия г. генерал-губернатора, он немедленно собрал общество, и по предложении собрано в краткое время до 4 000 руб.; между прочим, собирается ещё сумма по уездам, как со светской, так и с духовной стороны. Ещё купец устюгский *Аленев* обещал собрать в Устюге до 1 000 р. Прошу вас споспешествовать к сему делу ходатайством вашим о сборе суммы с учёного сословия. Г. генерал-губернатор отнёсся о сём к г. министру народного просвещения, между прочим, и о рисунке на предполагаемый монумент».

Граф Хвостов охотно взялся за это дело и стал усердно хлопотать о подписке на памятник. Генерал-губернатор архангельский и вологодский, Степан Иванович *Миницкий*, писал ему:

«Преосвященный архиерей Неофит известил меня о намерении вашего сиятельства споспешествовать нам в деле предполагаемого здесь памятника покойному Ломоносову. Поспешая принести вашему сиятельству искреннейшую благодарность за столь лестное для нас участие ваше, имею честь вам, м. г., изъяснить, что о намерении нашем соорудить здесь памятник Ломоносову довёл я до сведения г. министра народного просвещения, и до получения от его высокопревосходительства разрешения, открыть формально подписку приношениям считаю неприличным. Но как в. с. изволили изъяснить нам желание ваше содействовать сему делу, то на первый случай прошу покорнейше оказать оное ходатайством вашим у почтенного нашего министра Александра Семёновича¹ по сделанному от меня его высокопревосходительству представлению, ибо желания наши соорудить памятник Ломоносову хотя и усердны, но одни наши приношения будут недостаточны, а потому и испрашиваем дозволения открыть общую подписку».

с. 429 По ходатайству графа Хвостова, бывшего в очень близких отношениях с *Шишковым*. высочайшее разрешение на подписку было получено очень скоро, в конце марта того же 1825 г. В следующем месяце епископ *Неофит* уведомил графа Хвостова; что у гражданского губернатора находится уже до 6 000 р. сбора на памятник; граф Хвостов составил объявление о подписке и разослал его в разные журналы; *Шишков* обратился к президенту академии художеств *А. Н. Оленину* с просьбою рекомендовать художника, который мог бы взяться за исполнение памятника. Оленин указал на старика-скульптора Ивана Петровича *Мартоса*, известного памятником Минину и Пожарскому в Москве, — и Мартос деятельно принялся за работу. В следующем году был уже готов и представлен на высочайшее утверждение проект памятника, записанный у графа Хвостова:

«Художник представляет Ломоносова стоящим на северном полушарии; начертанное имя „Холмогор“ напоминает о месте рождения знаменитейшего поэта России. Положение фигуры выражает изумление, которым поражён он, взирая на великое северное сияние. В восторге духа своего поэт желает воспеть величие Божие и принимает лиру, подносимую ему гением

¹Шишкова.

поэзии. Вот минута, избранная для статуи Ломоносову, минута вдохновения, произведшего бессмертные стихи:

„Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне —
Так я в сей бездне углублён,
Теряюсь, мыслями утомлён“.

Вензловое на лире имя императрицы Елизаветы Петровны означает, что Ломоносов был певец счастливого её царствования».

В бумагах графа Хвостова находится много сведений об этом деле. Видно, что подписка шла не особенно успешно. По смете *Мартоса*, исполнение памятника из бронзы, без перевозки и постановки на месте, должно было обойтись в 47 000 р.; император *Николай Павлович* пожертвовал 5 000 р., граф Семён Романович *Воронцов* (дед которого поставил памятник над могилою Ломоносова в Александро-Невской лавре) — 2 000, академия наук и российская академия — по 1 000 р., московский университет и его округ (по предложению попечителя *А. А. Писарева*) — 679 руб. В числе жертвователей находятся: *А. Ф. Малиновский* (25 р.), *Ф. Ф. Кокоркин* (25 р.), майор *Василий Пушкин* (25 р.), титулярный советник *Иван Пуцин* (5 р.). Архангельский гражданский губернатор *Яков Фёдорович Ганскау* в половине 1827 г. писал графу Хвостову, что «пожертвования для великого Ломоносова совсем прекратились; для совершения ему памятника недостаёт около 20 тысяч рублей. Собранные деньги отданы в банк. И потому (прибавляет он) ежели вы, господа поэты, не возбудите в публике горячего желания дополнить недостающую сумму, то начатое дело придётся оставить до тех пор, пока деньги, находящиеся в банке, от приумножения процентами позволят приступить к исполнению». Граф Хвостов, желая помочь делу, в котором он принимал такое участие, сделал довольно оригинальное пожертвование: он написал оду слишком в 200 стихов «На памятник Ломоносову» и выручку от её распродажи пожертвовал на этот памятник. Выручка оказалась более 3 000 р. Разумеется, многие покупали оду не ради её самой, а ради той цели, на которую назначена была выручка; например, в списке покупателей встречаются имена президента академии наук, графа *С. С. Уварова* (100 р.), попечителя харьковского университета *А. А. Перовского* (100 р.), *А. Н. Оленина* (25 р.) и других; но покупатели находились и другим способом: например, учебный комитет харьковского университета предписал киевской дирекции училищ пригласить училищных чиновников на получение оды графа Хвостова по 2 р. 50 к. за экземпляр; такое же распоряжение сделал попечитель казанского учебного округа — *Магницкий* и московского — *Писарев*; поэтому нет ничего особенно удивительного в том, что все экземпляры оды графа Хвостова были распроданы, чего никогда не случалось с другими его сочинениями. Сбор пожертвований продолжался три года с половиною; наконец, 15-го декабря 1828 г. граф Хвостов получил от *Мартоса* следующее письмо:

«К вашему сиятельству, как ревнителю славы *Ломоносова*, идущему по путям его и известному песнопевцу, спешу с вестию, что памятник родоначальника наших поэтов — совершён. Вчера происходили расплавка металла и самое отлитие группы из бронзы. Это исполнено чрезвычайно счастливо — и я разделяю радость мою с вами, м. г., как с одним из первейших и усерднейших участников в предприятии сооружения памятника».

Копию с этого письма граф Хвостов сообщил *Шишкову*, с просьбою «предложить российской академии о избрании в почётные члены оной справедливо славимого *Мартоса*». Просьба эта была исполнена.

П. О. Морозов.
1876 г.

Географический указатель

Америка	11	Мантуя город	6
Англия	12	Москва город	10, 29, 56
Архангельск город	56	Новгород город	30, 41
Веймар город	12	Саксония	12
Выползова слободка село	11	Санкт-Петербург город ..	4, 10, 29, 36, 42
Грузия	5	Сардинское княжество	6
Екатерингоф парк	25	Суворовская площадь	6
Измаил город	5	Тульчин город	6
Италия	6	Устюг город	56
Кокшанское деревня	6	Франция	5, 27
Константинополь город	12, 31, 36	Царское село	17
Красноярск город	10		
Кубра река	11, 18, 33		

Именной указатель

- Аленев купец 56
 Амвросий Подобедов митрополит 32
 Анакреон поэт 47
 Анастасевич В. Г. 35
 Аракчеев А. А. 28, 41
 Арапов П. Н. 8, 25
 Архаров Н. П. 6
- Байрон Дж. Г. 38, 47
 Баранов Д. О. 29
 Баратынский А. А. **6**
 Баттё Ш. 27, 48
 Батюшков К. Н. 38
 Беккарий Ч. 4
 Бируков А. С. 41
 Богданович И. Ф. 48
 Борисов секретарь 4
 Боровков А. Д. 32
 Брасовский А. И. 16
 Брискорн М. М. 6
 Буало-Депрео Н. . . 10, 12—14, 16, 20, 22,
 23, 27, 29, 33, 34, 42, 48
 Будберг А. Я. 4
 Булгарин Ф. В. 40
- Ветринский И. Я. 35
 Вигель Ф. Ф. 32
 Вильмен А.-Ф. 12, 13
 Вильсон лорд 12
 Висковатов С. И. **9**
 Воейков А. Ф. . . 26, 28, 37, 39, 40, 44, 46
 Волков А. А. **45**
 Вольтер Ф.-М. 5, 21, 51
 Воронцов С. Р. **57**
 Вяземский А. А. **5**, 31
 Вяземский П. А. 13, 37, 40, 41, 43
- Ганскау Я. Ф. **56, 57**
 Гёте И. В. 12
 Глинка С. Н. 50, 51
 Гнедич Н. И. 19
 Голицишев-Кутузов П. И. . . 12, 28, 29, 34,
35
 Голицын А. Н. 29, 32
 Гораций Флакк 14, 21, 37, 42
 Городчанинов Г. Н. 9, 10, 13, 31, 53
 Горчаков Ал. И. 6
 Горчаков Ан. И. **5**, 6
- Горчаков Д. П. 29, 50
 Грамматин Н. Ф. 38
 Греч Н. И. 13, 34, 40—42, 46, 53, 55
 Грибоедов А. С. 26, 47
 Грот Я. К. 4
 Гумбольдт А. 12
- Давыдов Д. В. 11, 12
 Дашков Д. В. 33, **36**
 Дашкова Е. Р. 29
 де-Местр Ж. 12
 Дельвиг А. А. 47
 Деградт Н. офицер 5
 Державин Г. Р. . 5, 12, 17, 27, 29—31, 34,
 41, **54**
 Дестрем М. Г. 13
 Джунковский В. Я. 14
 Дмитриев И. И. 13, 20, 30, 34, 36, 53
 Дмитриев М. А. 11, 47
 Дружинин Я. А. 29
 Духовской М. П. 10
- Евгений Болховитинов епископ . 4, 10, 16,
 20, 29, 30, 53, 55
 Екатерина II царица 5, 27, 29, 32
 Елизавета Петровна царица 57
- Жуковский В. А. 16, 25, 28, 37, 40
- Захаров И. С. 29, 30, 35
 Зубов Н. А. 6
- Измайлов А. Е. 20, 33, **35**, 36
 Измайлов В. В. 33, 35
 Ильинский секретарь 17
- Карабанов П. М. 29, 30
 Карамзин Н. М. 27, 28, 33, 34, 41
 Карин А. Г. **5**
 Карин Ф. Г. 4, 50
 Карлгоф В. И. 40
 Каченовский М. Т. 26, 35, 43
 Кикин П. А. 29
 Княжнин Я. Б. 32
 Козловский М. И. 6
 Кокошкин Ф. Ф. 57
 Кондырев П. С. 9
 Корнель П. 28

- Костров Е. И. 51
Красовский А. И. **41**
Крылов И. А. 20, 29, 30
Куракин А. Б. 6
- Лабзин А. Ф. 11, 29
Ламартин А. 12, 13, 23
Лафонтен Ж. 14, 20, 21
Литке И. профессор 5
Ломоносов М. В. 17, 19, 28, 33, 50, 54, 56,
57
Львов П. Ю. 29
Львов Ф. П. 29, 30
Людовик XIV король 27
Лялин Е. И. **45**
Лялин П. 43
- Магницкий М. Л. 57
Макаров М. Н. 13, 28, 43
Малиновский А. Ф. 57
Мальгин Т. С. 53
Марин С. Н. 29
Мартос И. П. **56**, 57
Мерзляков А. Ф. 44
Меркель Г. Х. 11
Милонов М. В. 7
Милорадович М. А. 41
Миницкий С. И. **56**
Мольер Ж.-Б. 48
Муравьёв И. М. 29
Муравьёв М. Н. 12, 30, 34
Мусин-Пушкин А. И. 41, 53
- Наполеон император 47
Неккер Ж. 5
Нелидова Е. И. **6**
Неофит епископ Архангельский 56
Николай I царь 11, 49, 57
Николев Н. П. 4, 38, 50
Николев Ю. А. **6**
- Озеров В. А. 25
Оленин А. Н. 29, 56, 57
- Павел I царь 5, 6
Пезаровиус П. П. 40
Перевозчиков В. М. 4, **20**, 53
Перовский А. А. 57
Петров В. П. 27, 28
Петров И. М. 10
Пиндар поэт 21
Писарев А. А. ... 12, 13, 19, 26, 29, 53, 57
Плавильщиков В. А. 4
Подшивалов И. Ф. 11
Полевой Н. А. 13, 26, 42, 43
Политковский Г. Г. 29
Попий (Поуп) А. 49
Попов студент 13, 14
Потёмкин Г. А. 5
- Пушкин А. С. ... 16, 25, 27, 28, 38, 40, 41,
47, 51
Пушкин В. Л. 33
Пушкин В. майор 57
Пуштин И. 57
- Расин Ж.-Б. 14, 16, 21—23, 28, 30
Рихтер А. Ф. 6
Рубан В. Г. **54**
Румянцев граф 16
Руссо Ж. Б. 51
Рылеев К. Ф. 45—47
Рындовский Ф. 9
- Салтыков Г. С. **12**, 29
Салтыкова М. В. 4
Свиньин П. П. 11
Склабовский А. В. 13, 14, 42
Слепушкин Ф. Н. 51
Слёнин И. В. 23
Соколов П. И. 29
Сперанский М. М. 9
Суворов А. В. 4—6, 11, 13, 29, 51, 55
Сумароков А. П. 20, 21, 29, 31
- Терещенко А. В. 55
Тредьяковский В. К. 8, 12, 41
- Уваров С. С. 57
- Федр поэт 21
Фёдоров Б. 40
Филатов С. С. 29
Фонвизин Д. И. 47
Фукс Е. Б. 6
- Хвостов А. Д. 12
Хвостов А. И. 4
Хвостов А. С. **4**, **5**, 12, 29, **31**, 32
Хвостов И. М. **4**
Хвостова (Горчакова) А. И. **5**
Хвостова (Карина) В. Г. **4**
Хемницер И. И. 20
Херасков М. М. 48
- Цертелев Н. А. 43
- Шаликов П. И. ... 8, 11, 28, 33, 35, 43, 50,
51, 53, 54
Шатров Н. М. 50—52
Шаховской А. А. 29
Шекспир В. 28
Шенье А. 47
Ширинский-Шихматов П. А. **41**
Шихматов С. А. 29, **33**
Шишков А. С. ... 28, 29, 31, 33—36, **41**, 48,
50, 51, **56**, 57
Шлун Д. И. 55
Шуазель-Гуфье М.-Г.-Ф.-О. 6, 32
- Языков Н. М. 11, 41, 44, 45

Предметный указатель

- академия
 наук 57
 падуанская 10
 российская 10, 33, 50, 51, 57
 художеств 6, 56
 Александро-Невская лавра 57
 «Арзамас» общество 36—39

 Беседа любителей русского слова . 10, 29,
 30, 32, 33

 Вольное экономическое общество 10

 газета Rigasche Zeitung 11
 государственная экспедиция 5
 государственный совет 7, 36

 журнал
 Аглая 28
 Благонамеренный 35
 Вестник Европы .. 11, 13, 33, 35, 43
 Дамский журнал 8, 11, 28, 35, 43, 54
 Друг просвещения 29, 53
 Журнал для милых 28
 Московский телеграф 11, 13, 42, 43,
 48
 Невский зритель 40
 Новости литературы 10
 Отечественные записки 11
 Патриот 33
 Полезное увеселение 5
 Российский музей 33
 Свободные часы 5
 Северная Минерва 35
 Северная Пчела 53
 Славянин 40, 44

 Сын Отечества 40, 53

 Казанский собор 32
 Киевская духовная академия 4
 классицизм 27
 критика 47, 48

 лейб-гвардии конный полк 5

 Мальтийский орден 6
 Минералогическое общество 10
 министр
 военный 5
 народного просвещения 10, 28, 41, 56
 юстиции 36

 Общество испытателей природы 10
 Общество любителей словесности . 10, 36

 Преображенский полк 5, 54

 романтизм 28

 сенат 5, 7
 синод 6, 11

 театр Лиграна 4

 университет
 виленский 10
 казанский 9, 10
 московский 5, 10, 12, 13, 28, 35, 43,
 57
 харьковский 10, 13, 57

 Эрмитаж 5

Оглавление

Вступление	3
1. Офицер и чиновник	4
2. Меценат и знаменитый поэт	8
3. Сочинитель достойных произведений	16
4. Участник «Беседы любителей русского слова»	27
5. Жертва нападок и литературный критик	37
6. Редактор биографического словаря	53
7. Ревнитель о памятнике Ломоносову	56
Географический указатель	58
Именной указатель	59
Предметный указатель	61